

Колдовские
миры

НИКАКОГО ПЕЧЕНЬЯ, ТОЛЬКО НЕПРИЯТНОСТИ

купава огинская

ПО ТЕМНОЙ
СТОРОНЕ

Купава Огинская
По темной стороне
Серия «Излом. Мир
своих законов», книга 1
Серия «Колдовские миры»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64597296
По темной стороне: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117446-0

Аннотация

В новый мир Яна попала основательно: сразу в ритуальный круг, под нож адепта, желавшего возродить в ее теле темную богиню.

Жертвоприношение сорвалось благодаря неоднозначной личности с довольно странными гастрономическими пристрастиями, но спасением это назвать было бы сложно.

Теперь домом Яны стал мрачный замок, друзьями – порождения тьмы, а проблемы только множились. Ее пытались похитить адепты, хотели убить светлые и не отказались бы съесть местные русалки. Но все это меркло на фоне самой большой проблемы: ей предстояло полюбить того, кого на темной стороне боялись больше смерти.

Но ведь никто и не обещал, что будет просто...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Купава Огинская

По темной стороне

© Огинская К., 2021

© Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Глава 1

Хищник

Проснуться в лесу, среди сектантов, уложенной на землю в круг из зажженных свечей... Пожалуй, это последнее, что могло бы случиться со мной в эту на первый взгляд скучную, ничем не примечательную ночь. Однако же именно это и случилось.

– Какого... – прохрипела я, приподнимаясь на локтях в попытке оглядеться.

– Тахаш! – рывкнул какой-то мужик, возвышавшийся надо мной и прячущий лицо в тени глубокого капюшона.

Меня тут же придавило к земле, выжимая из легких воздух, а из глаз – слезу. И пока кучка подозрительных мужиков, насчитывавших двенадцать капюшонов, лепетала на непонятном языке, я просто пыталась нормально вздохнуть.

Меня похитила кучка сектантов, притащила в лесопосадку за общежитием (если судить по обилию зелени вокруг) и, кажется, планировала принести в жертву, а я лежала и самым возмутительным образом не могла даже вздохнуть толком, не говоря уже о том, чтобы пошевелиться.

Гравитация сегодня была не на моей стороне, а баба Шура, вечный бдюн нашего общежития, дала сбой. Потому что если бы она по традиции зорко следила за обстановкой на

зверенной ей территории, то точно увидела бы, как мое несопротивляющееся тело выносят из здания, и меня бы уже с собаками искали по всей лесопосадке.

Баба Шура у нас такая. С ней спорить – себе дороже, даже если ты почти пятидесятилетний майор милиции и без пяти минут почетный пенсионер.

Сектанты перестали лопотать и рассредоточились по периметру круга. В то время как тот, что на меня рявкнул, удобно устроился на моих бедрах, крепко сжимая в руке кинжал. Тонкое черное лезвие хищно блестело в дрожащем свете свечей, большой камень насыщенного красного цвета (я бы сказала – рубин, но не бывает таких больших рубинов в нашем мире) ярко сверкал кровавыми бликами на конце рукояти.

Разрезав футболку на моем животе, мужик забормотал что-то совершенно непонятное, медленно вырезая кончиком ножа по моей коже линии.

Я замычала, с ужасом глядя на это дело. Орать не могла, думать нормально – тоже, даже пошевелиться не могла, чувствуя странное оцепенение во всем теле.

Боли не было, я не ощущала, как взрезает мою плоть острое лезвие, только теплые, щекотные струйки крови, сбегающие по бокам, и холодную неровность земли подо мной.

Бормотание ненадолго прекратилось, художественная резьба на мне любимой – тоже. Сатанисты перебросились парой фраз все на том же непонятном языке, и обряд продол-

жился.

Если судить по увлеченности, с которой меня кромсали, там вырисовывали целую картину.

В какой-то неуловимый миг, заглушая раздражающее бормотание, в ушах тонко зазвенело, щелкнуло, и наступила полная тишина. Сначала я решила, что оглохла, но запаниковать не успела, расслышав далекий, доносящийся словно через вату вопрос на чистом русском:

– Почему руны до сих пор не засветились? – обеспокоенно, даже напуганно спросил один из сектантов.

– Еще рано.

– Но...

– Тело готово принять госпожу, но наш зов она пока не услышала...

– И не услышит, – раздался новый голос. Низкий, раскатистый... тревожащий, я бы сказала.

Рассевшийся на мне мужик вздрогнул и подскочил, крепко сжимая в руке кинжал, напоенный кровью. Свечи через одну потухли, размыкая контур круга, а я почувствовала, как ко мне возвращается контроль над телом. Живот горел огнем, каждый вдох давался с трудом, я лежала, глядя в беззвездное небо, и боялась даже пошевелиться. И очень кстати оказалась эта слабость, потому что если бы я сейчас попыталась подняться, то все равно свалилась бы от увиденного обратно.

На ладони сатаниста заплясали яркие языки пламени.

Сворачиваясь в полыхающий шар, они освещали некрасивое, угрюмое и потемневшее от гнева лицо, углубляя каждую морщинку. Длилось это недолго, я не успела еще толком его рассмотреть, как шар сорвался с руки сектанта, покорный легкому движению кисти, и улетел куда-то вперед, в сторону тревожащего голоса.

Ответочка была странной и смертоносной, в отличие от огня, который, судя по всему, не навредил говорившему. Сатанист не успел даже вскрикнуть, как его поглотил дымный клубок непроглядной тьмы. Она набросилась на него голодным зверем, сжалась, подрагивая полупрозрачными краями, и схлынула, оставив от здорового мужика лишь кинжал.

– Я не буду спрашивать, что вы делаете на моих землях, – возвестил голос, неумолимо приближаясь, – не буду спрашивать, зачем вы снова пытаетесь разбудить мать, я спрошу лишь одно...

Склонившись надо мной, обладатель тревожащего голоса ожег страшным взглядом невозможных желтых глаз и грубо вздернул меня на ноги. От резкого движения и последовавшего сразу за этим оглушительного взрыва боли, горячей волной разошедшегося от живота по всему телу, на несколько секунд потемнело в глазах, и я не видела выражения его лица, когда мужчина требовательно спросил:

– Где вы раздобыли человека?

Ответ очень расстроил своей неинформативностью: в нас просто пустили сразу два огненных шара.

Я не испугалась и почти не заметила этого, все еще стараясь прийти в себя. Если бы не внезапный жар, прокатившийся по спине, и не рыжие всполохи света, осветившие бледное лицо сжавшего мое горло мужчины, я бы даже не поняла, что нас чуть не поджарили. Я уже вообще мало что понимала.

– Неправильный ответ, – скорбно заметило это бледное чудище, нехорошо улыбнувшись. Тьма сорвалась с поводка, а сектантский отряд обеднел еще на двух психов.

– Еще и клыки, – прошептала я непослушными губами. Мало того, что радужка у него сияла расплавленным золотом, а белок глаз был черным и беспросветным, как мое будущее в сложившейся ситуации, так он еще и клыкастым оказался. Это были не длинные копыя, которые едва помещаются во рту, а скромненькие, не очень большие, я бы даже сказала – аккуратненькие, но такие жуткие клыки... Зато сразу ясно, что этот вот конкретный тип – он больше хищник, чем мирное травоядное.

Таковыми зубами самое оно мясо рвать прямо из только что убитой, еще теплой туши.

Меня отставили в сторону, расслабленно и лениво сделав сразу два шага к скучковавшимся сектантам. Их было шестеро, и они не очень хотели ближе знакомиться с высокой темной фигурой, казавшейся сотканной из теней в этой ночной холодной темноте.

Я невольно поежилась, обнимая себя руками, раньше как-то не замечала, насколько здесь холодно. Кровь медленно со-

чилась из ран, шея все никак не могла забыть жуткое прикосновение сильной прохладной ладони, а я глупо застыла посреди поляны, покачиваясь и мелко дрожа.

Сектанты сбились в огрызающуюся огнем кучку.

Растирая плечи, я еще раз пересчитала капюшоны. Шесть штук.

«Предположим, троих уже скушали, – передернув плечами, я внимательно осмотрела лес вокруг, – шестеро топчутся здесь... а где еще трое?»

Их было двенадцать. Их же точно было двенадцать.

– Вам никогда не говорили, что в сражении с хейзарами лучшая тактика – рассредоточиться и бить с дальних дистанций? – лениво спросил хищник.

Сектанты уже не казались страшными, теперь они больше походили на запуганных жертв.

Шестеро против одного.

Черный туман стелился по земле, ластился к ногам этого страшного мужика, поднимался по высоким сапогам из черной кожи, обнимал черные штаны, наползал на черный камзол, расшитый черной же искрящейся нитью. Со спины хищник не казался таким уж страшным. Ну высокий, ну плечи, по которым спадала тьма, широкие... Зато темные жесткие волосы, доходящие до талии, были заплетены в простую косу, выглядевшую очень миленько. Несколько прядей выбилось, а конец шелковой черной ленты трепетал, задеваемый этим темным туманом.

Со спины мужик выглядел вполне мирно – не было видно его бледнющей морды, желтых глазищ и, разумеется, незабываемой улыбки...

У сектантов сердца были сильные, никто при виде этой его улыбки не упал замертво, спасенный остановкой сердца от страшной участи превратиться в еду этой страшной тьмы.

Их накрыло всех. Одновременно.

– Щит? – удивился хищник. – Seriously?

Во тьме стеклянно хрустнуло, будто кто-то наступил тяжелым сапогом на что-то хрупкое, раздался одинокий короткий вопль, и все стихло.

– Итак, – ко мне повернулись, улыбнулись и сделали широкий шаг, – человек.

Я невольно отступила назад, вжимая голову в плечи. Меня трясло, я это чувствовала и точно знала, что потрясунчик не только от холода и потери крови. Мне было страшно. Так страшно, как не было страшно еще никогда раньше.

Словно я за вечер пересмотрела несколько штук самых страшных фильмов ужасов, а потом посреди ночи пошла в туалет, не зажигая света, а за спиной слышался скрип и вежливое покашливание...

– Здрасти-и-и, – прошептала я срывающимся голосом. Пока он разбирался с сектантами, успел отойти от меня шагов на семь. Я осторожно отползла еще немножечко назад. Теперь на восемь. – С-с-спасибо, что спасли.

Хищник усмехнулся. В кустах завозились, привлекая на-

ше внимание. Причиной шума стала вылетевшая из темноты тускло сверкнувшая в лунном свете цепь, звенящей змеей обмотавшая бледную кисть мужика, вскинувшего руку в защитном жесте. Я смогла только рвано выдохнуть, когда с другой стороны, из таких же кустов, вылетела вторая цепь, точная копия своей сестры.

Хищник попался, цепи натянулись, и тьма, клубившаяся у ног своего хозяина, медленно таяла.

Стоя почти в центре поляны, с разведенными в стороны руками, он со странным спокойствием смотрел на выползшего из-за деревьев сектанта. Пока двое других вбивали в землю прутья, удерживающие цепи, один подхватил забытый у круга ритуальный кинжал.

А я глупо и совсем не к месту обрадовалась, когда трое запропастившихся куда-то сектантов наконец-таки нашлись.

– Мы закончим обряд, – хриплым от едва сдерживаемой ненависти голосом сообщил он, – а ты умрешь.

Меня никто в расчет почему-то не брал. Ну стоит тут недорезанная жертва обряда – и пускай стоит. Так даже лучше, не придется потом в лесу ее вылавливать.

Вбив прутья и убедившись, что земля их крепко держит, из кустов выбрались еще два капюшонника.

А я присмотрела увесистую, вполне симпатичную дубину в паре шагов от ритуального круга. Зачем она мне, я не понимала, но отчего-то была уверена, что ее непременно надо поднять.

– И как вы планируете меня убивать? – полюбопытствовал пойманный.

Сектанты переглянулись. Двое, что вбивали прутья, ухватились за цепи, натягивая их сильнее.

Я крадучись подобралась к дубине, чувствуя на себе взгляд желтых глаз. Держась за живот, медленно, не делая резких движений, наклонилась и чуть не выпустила из холодных пальцев только что подобранную палку, когда от скованных рук хищника, казалось, прямо из-под покрасневшей кожи запястий и пропоротых шипами ладоней по серебристым звеньям поползли тонкие струйки тьмы.

Державшие цепи попытались отшатнуться, но не успели. Соскользнув на их руки, тьма быстро метнулась под свободные рукава балахонов.

Сектанты выгнулись и захрипели, капюшоны слетели с их голов, обнажая лысые черепа с тонкими, вздутыми черными нитями, пульсирующими под кожей. Глаза почернели, заполняясь тьмой, из носа тонкими струйками потекла черная кровь.

Голова у меня закружилась, когда два тела осели на землю, запрокинув к небу изуродованные, сведенные судорогой боли лица. Подавив рвотный позыв, я медленно двинулась к оставшемуся в живых сектанту с вполне понятной целью вырубить гада, пока меня опять не взялись резать.

Равнодушно посмотрев на тела своих товарищей, мужик внезапно совершенно успокоился.

– Когда госпожа вернется в этот мир, ты умрешь.

– Когда мать проснется, мы все умрем, – не согласился с ним хищник.

Я замахнулась, метя в капюшон.

– Госпожа пощадит нас, мы оказались вернее ее детей, – ритуальный нож резко взмыл вверх.

Я не успела даже вскрикнуть, когда тело последнего сектанта осело в траву.

– А ведь мог хотя бы попытаться меня убить, – грустно заметил хищник.

– Зачем он это сделал? – голос дрожал, пальцы дрожали, я дрожала вся и в любое мгновение готова была разрыдаться.

Куда я попала? Во что вляпалась? За что мне все это? И самое главное: что здесь вообще происходит? Все вокруг казалось совершенно нереальным, невозможным и решительно ненастоящим. Таким... неправильным.

– Пытался спасти свою душу, – ответили мне, не отрывая взгляда от тела.

– От кого? – Уронив уже ненужную дубину, я боязливо приблизилась к хищнику, дрожащими пальцами пытаюсь размотать цепь. Острый ее конец глубоко врезался в бледную ладонь.

– От меня, – просто сказал он.

На мгновение желание бросить его здесь одного стало почти нестерпимым. Он убил одиннадцать сектантов, а один сам вскрыл себе горло, лишь бы не остаться наедине с этим

монстром. Зачем мне его распутывать?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Впрочем, у меня даже связных мыслей не было. Только звенящая пустота.

Но этот желтоглазый страх определенно был врагом сектантов, трупы являлись тому подтверждением. А враг моего врага, как известно, мой друг... ну и – вдруг мне повезет?

– Будет больно, – предупредила я, медленно вытягивая конец цепи из широкой ладони.

Он даже не вздрогнул, а я боялась поднять глаза и повернуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Холодные пальцы плохо слушались, звенья выскальзывали из вымазанных кровью пальцев, но левую руку я ему все же освободила.

– Премного благодарен за помощь, конечно, – размяв пальцы, главный герой всех моих будущих кошмаров снисходительно посмотрел на меня, – но проще было бы сделать так...

Дернув правую руку на себя, он вырвал из земли прут. Цепь зазвенела, а хищник уже через несколько секунд мог похвастаться совершенно целыми ладонями.

Прижимая руки к животу, я ему просто по-черному завидовала. Мои раны не спешили заживать так же быстро.

– Итак, человек, – пробормотал хищник, потирая черными, словно вымазанными в саже, пальцами обожженное запястье правой руки, – откуда ты?

– В с-мысле, где я живу? – Осмотревшись, махнула рукой куда-то за спину, очень надеясь, что скоро я проснусь,

и все это окажется просто страшным кошмаром, который к вечеру не получится даже вспомнить. Хотя прекрасно понимала, как наивны мои надежды. Сон? Разве бывают сны такими реалистичными? Разве во сне может быть так больно? Тонкая ткань прилипла к ранам, потемнела, напитавшись моей кровью, окрасив некогда белую футболку с мордой забавного наркоманского котика в темно-красный цвет, на котором угрожающе выделялась харя кота-рецидивиста с темным прошлым и маленьким кладбищем загубленных душ за спиной. Всего лишь царапины, но как же они болели! Хотя радовало то, что меня нигде не пропорол и насквозь. В противном случае мой внутренний мир давно бы из меня вывалился, и мы бы с этим надменным типом не разговаривали, а ползали по земле, собирая мои кишочки. – Здесь недалеко, кажется.

– Недалеко? – переспросил он.

Я нервно кивнула, чем очень его удивила.

– Позволь мне кое-что уточнить: резервация людей находится на территории светлых, в то время как ты сейчас стоишь на землях Мглистого удела. Между тобой и твоим «недалеко» почти все мои земли, земли Рашаар и кусок от территории Эльмут, за которыми, ко всему прочему, находится Сумеречная зона. И только там, за ней, располагается Светлая империя. – Выдержав эффектную паузу, в которую вместились мое растерянное молчание и куча матерных слов, промелькнувших в голове, он повторил: – Так откуда

ты?

– Да чтоб я знала...

Желание прилечь где-нибудь стало просто невыносимым. Вот сейчас я прилягу, глазки закрою, а утром проснусь уже в своей кровати. А жуткая боль в животе – это не сектантская роспись, а пошлые в своей обыденности критические дни.

Пожалуйста.

– Человек, – еще раз повторил хищник, ухватив меня за подбородком черными пальцами. Что примечательно, ладонь у него была совершенно обычного, бледного цвета, зато пальцы – черными, словно он их и правда в золу сунул. Черные ногти и пальцы до середины второй фаланги выглядели очень непривычно. Меня погладили большим пальцем по щеке. – Теплая. И что мне с тобой делать? Людям не место на моей земле.

– А отправьте меня домой... п-пожалуйста. – Надежда, как известно, умирает последней. Вот и я до последнего надеялась, что этот монстр, запросто разделавшийся с кучкой сектантов, проникнется состраданием, войдет в мое положение и поможет. Как-нибудь.

– Мне проще тебя съесть, – без сожаления заметил он.

– А давайте мы не пойдем по простому пути? – робко предложила я, стараясь не обращать внимания на пробирающее до костей нежное поглаживание. У меня папа так же мясо по столу разглаживал, перед тем как его отбивать. – Поверьте, ничего хорошего нас на этом пути не ждет.

– Тебя – так точно, – усмехнулся хищник.

Повисла тяжелая тишина. У меня просто не осталось сил, чтобы хотя бы попытаться что-нибудь сказать. Он тоже не спешил ничего говорить, разглядывая меня и, кажется, даже принохиваясь.

– Вернуть тебя домой я не могу, но, так уж и быть, есть пока не стану, – после мгновений мучительной тишины нехотя смилостивился он. – Адептам культа Изначальной Тьмы пришлось потратить много сил, чтобы притащить тебя сюда, а это значит, за тобой еще придут. Больше желающих тебя забрать – больше пищи для меня.

– Вы собираетесь меня в качестве приманки использовать? – вяло возмутились я.

– А тебя что-то не устраивает? – приподняв черную бровь, угрожающе спросил этот... ловец на живца.

Хотелось сказать, что меня все не устраивает, что я хочу домой и буду жаловаться.

Вот только глаза у этого монстра нехорошо блестели, а жаловаться мне было некому. Я даже не знала, где нахожусь и не свихнусь ли завтра, когда окончательно пойму, что все это, кажется, действительно по-настоящему.

– Нет, меня все устраивает, – сдалась я, пряча глаза.

– Правильный ответ, – кивнул хищник.

Тьма напознала со всех сторон, подбираясь к ногам, обнимая босые ступни. Испугавшись, что он все же решил скормить меня этому ужасу, а сейчас просто зубы мне заговари-

вал, чтобы не попыталась сбежать, я дернулась, желая вырваться, но смогла только слабо трепыхнуться.

– Стой смирно, – велели мне, пока от стелящейся в ногах тьмы отрывались мелкие хлопья. Поднимаясь в воздух, они тлели, как настоящий пепел. – Я никогда не переносил человека. Таргот знает, насколько вы крепкие.

Задержав дыхание и зажмурившись, я ждала неизбежного. На одно короткое, невыносимое мгновение показалось даже, что я распадаюсь на части, так же, как тьма совсем недавно, тлею ленивым, равнодушным огнем, а в следующую секунду уже отмораживала босые пятки о холодный черный мрамор огромного мрачного зала.

Пустой и гулкий, он поражал воображение тонкой, какой-то хрупкой красотой вырезанных прямо на каменных стенах узоров и нависающих над нами, искрящихся в непроглядной выси огромных люстр.

– Вау...

Хищник щелкнул пальцами, и из темноты, царившей под потолком, к его ногам свалилось два комочка.

Шлепнувшись на пол бесформенными кляксами, они быстро поднялись на тонкие, когтистые, мохнатые лапки, вытянулись, сложив передние в молитвенном жесте, и преданно посмотрели на хищника красными угольками глаз.

– Ее, – меня толкнули вперед, – отвести в покои, осмотреть, исцелить и накормить.

Мочалки на ножках, как я их обозначила, радостно още-

рились острыми треугольными зубами, растянув свои широкие пасти в подобии улыбки.

– Не питаться, – строго оборвал их радость хищник.

Мочалки приуныли, но покорно потащили меня за собой. И пока меня тянули к двустворчатым дверям, увлекая прочь из зала, я все оборачивалась на хозяина этой мрачности, продолжавшего неотрывно смотреть нам вслед.

Нехорошее выражение застыло на его лице. Задумчивое.

Словно он уже пожалел о своей затее и раздумывал над тем, как бы попроще от меня избавиться.

Глава 2

Нервотрепательные прогулки

В черном-черном городе, на черной-черной улице жил черный-черный мальчик...

Это я к чему? Домик у хищника был большой, не домик, а целый дворец. Хотя скорее замок. Мрачная, холодная громадина. Много свободного пространства, которое невозможно увидеть из-за наползающей со всех сторон темноты, но которое чувствуется в буквальном смысле кожей.

Следуя за мочалками по коридорам, я опасливо крутила головой, чувствуя, как меня нежно обнимает паранойя. Казалось, что из каждого угла за мной кто-то наблюдает.

Протащив по трем коридорам, четырем лестницам и небольшой галерее, мочалки дотащили меня до черных дверей. Красивая латунная ручка легко скользнула вниз, покорная желанию тощей когтистой лапы. Дверь бесшумно открылась, и меня затолкали в темную и мрачную, очень гармонично вписывающуюся в общий интерьер замка комнату.

Большая кровать с балдахином (постельное белье, разумеется, черное), кресло и столик у забранного тяжелыми шторами окна (все черное, а кто бы сомневался?).

Отделанные деревом и шелком стены (черное, черное... серое?!).

Две двери, нарушая гармонию, не чернели, сливаясь со стеной, а серели темным, очень глубоким угольным цветом.

«Р-р-разнообразие», – невольно умилилась я.

За первой серой дверью притаилась пустая гардеробная, за второй – ванная.

– Я так понимаю, это наступила самая черная полоса в моей жизни? – спросила я у мочалок. Переглянувшись, они решили считать вопрос риторическим и не отвечать на него.

Признаться, если это и была самая черная полоса, то меня она полностью устраивала.

Мне притащили безразмерную, но очень мягкую и теплую сорочку стандартно-черного цвета, какие-то баночки с шампунем, резко пахнущим мылом и чем-то еще, кремообразным и подозрительным. Потом покорно ждали полчаса, пока я вымоюсь, страдальчески рассматривая изрезанный живот и стараясь не потревожить кровавую корочку, непривычно быстро образовавшуюся на месте ран.

После водных процедур пострадавший живот был старательно обмазан какой-то черной пастой и основательно забинтован. И только после этого меня накормили.

Кусок едва прожаренного мяса трогать я не стала, зато единолично схомячила все пять булочек, мягких и еще теплых, с аппетитом съела суп и даже вылизала тарелку под удивленными взглядами мочалок, а потом еще и чаем все это залила, накидав сразу в чайничек целых четыре ложки сахара. Пол-литра чая приятным теплом растеклось по уже

съеденному.

Многие, наверное, после такого стресса не смогли бы и крошки в рот взять, а у меня, наоборот, после каждой нерво-трепки просыпался просто зверский аппетит. Я ела как не в себя, чем всегда очень удивляла родителей и поражала друзей.

Вот и сейчас, блаженно растянувшись на кровати, чувствовала, как приятная сытость вытесняет охватившее меня напряжение. Главное, что сектантам я не досталась, а уж с хищником как-нибудь разберусь. Раз сразу не убил, значит, есть все шансы дожить до пенсии.

С этой оптимистичной мыслью, под утробное ворчание мочалок, деливших несъеденное мною мясо, я и уснула, даже не подозревая, что сейчас вот так же они могли грызться и за мое мирно спящее тельце, не защищай меня приказ их хозяина.

* * *

Девять уделов, три из которых, самые большие и богатые, – это Мглистый, Талый и Туманный. Остальные не имели своих названий и на карте обозначались именем того, кто ими владел.

Земли Темных от земель Светлых отделяла Сумеречная зона, серебристая лента на карте, разделяющая материк на две части. Светлая империя, в отличие от Темных земель,

была больше похожа на лоскутное одеяло. Там не было уделов, зато были домены и доли. Очень много доменов на светлой стороне и очень много долей в каждом домене.

Я покрутила карту, любуясь тем, как серебрится на свету линия Сумеречной зоны.

Подробная, очень красивая и полезная карта, тем не менее, казалась неполной. В смысле, материк на ней был весь, и даже названия четырех морей и одного океана, омывавших его берега, указывались, но дальше была только темнота. Словно за пределами этого материка мира и не существовало. Меня это смущало, но набраться смелости и расспросить обо всем хищника я так и не смогла.

Неделю я жила в его замке, ела его еду и терроризировала его мочалок, но так и не узнала даже его имени.

Изучая библиотеку в сумасшедшей надежде найти способ вернуться домой, я почти не вспоминала хозяина всех этих богатств. А ведь одна эта библиотека сама по себе была богатством. Здесь были тысячи, сотни тысяч книг. Иногда мне казалось, что даже миллионы.

Первые дни я боялась заходить очень далеко, прекрасно понимая, что могу просто не найти дороги назад и потеряться среди стеллажей.

Но потом осмелела и уже давно перестала бояться, так как знала, что мочалки меня найдут в любом случае, у них просто не было другого выбора.

Теперь я стала их единственной работой.

Каждый вечер, возвращаясь в свою спальню с больной головой и словно разбухшими глазами, которым было очень тесно в глазницах, я обессиленно заваливалась на кровать, почти сразу засыпая.

Сон, как правило, был один и тот же. Я возвращаюсь домой, мирюсь наконец с родителями и выхожу замуж за их Костеньку. Все хорошо, все счастливы, год холодной войны позади, а я быстро забываю весь этот кошмар.

Зачем я вообще спорила? Ну захотели родители, чтобы я в двадцать лет замуж вышла, а через годик осчастливила их внуками, ну так и что? Это только маме разрешено в тридцать лет первого ребенка рожать, а мне пора бы и о семье подумать, так как дорогая родительница уже внуков хочет.

Диплома бакалавра достаточно, убеждали меня дорогие родственники, сервируя стол перед приходом Костеньки. Зачем тебе магистратура, удивлялись они, расставляя салаты и нарезку. Детки – это счастье, вколотили они последний гвоздь в крышку моего терпения.

И я взорвалась. Рассказала все что думаю о счастливом материнстве в двадцать лет. И Костеньке, так не вовремя пришедшему в гости и подвернувшемуся под горячую руку, тоже много чего интересного рассказала. А потом гордо ушла, хлопнув дверью, на целых две недели раньше положенного срока вернувшись в университетское общежитие.

Стыдно мне за то, что я наговорила, за весь прошедший год так и не стало... до этой недели.

Теперь я очень жалела, что не согласилась тогда на все.

Да, сейчас бы, скорее всего, сидела на огурчиках и выбирала имя будущему ребенку, зато в привычной обстановке, в полной безопасности.

Мочалка, та, что побольше и посмелее, подергала меня за штанину.

Женской одежды в замке не было, зато была мужская. Просто горы мужской одежды, среди которой найти хотя бы пару приличных вещей на невысокую меня далеко не богатырской комплекции оказалось очень сложным делом. Но я справилась, и теперь мой гардероб состоял из трех пар брюк, пяти сорочек, одного чуть великоватого камзола и двух пар сапог. Были еще одни весьма сомнительные туфли из мягкой кожи, которые, если подключить фантазию, можно было бы считать тапочками... вот только с фантазией у меня были проблемы.

С носками дело обстояло проще, они хорошо садились на все ноги без разбора.

А вот нижнее белье шить пришлось самой. В итоге я разгуливала в рубашке с чужого плеча, штанах с чужой задницы, зато в дизайнерских эксклюзивных труселях ручной работы.

– Ур-р-р. – Мочалка еще раз подергала меня за сапог, указывая лапкой на часы.

Что интересно, понимали меня эти создания прекрасно, но говорить не могли.

На часах, огромных и черных, фосфоресцирующая ча-

совая стрелка уверенно указывала на фосфоресцирующую восьмерку.

Восемь вечера, пора кушенькать.

Нехотя отложив карту, я поднялась.

– Ну, пойдемте.

Завтракала и ужинала я в комнате, обедала, как правило, прямо в библиотеке, заныкавшись под стол и бессовестно нарушая правила. С едой в библиотеку нельзя?

Нам все можно.

Мочалки мне нравились. Особенно когда не улыбались, демонстрируя весь набор своего разгрызательно-перемалывательного арсенала. Они терпеливо выслушивали все мои жалобы, не насмехались, приносили все, что просила, и послушно водили по замку, не давая заблудиться.

Иногда мне очень хотелось их потрогать, возможно даже потискать, но я не решалась.

За все семь дней я так и не встретила ни одной живой души в этом замке, что заставляло быть настороже все время, не поддаваясь безрассудным порывам.

Семь дней я еще как-то успешно этим занималась, еще два дня старательно делала вид, что бдую, а на десятый совершила страшную ошибку.

Ходить по мрачному замку в двенадцатом часу ночи – плохая идея, но мне не спалось, а в библиотеке осталась очень интересная книга по истории Светлой империи.

Если здесь землями владели хейзары, то у светлых были

свои кайсар (насколько я поняла, титул не склонялся) – одаренные искрой Извечного Светоча. Если верить хроникам Долгих лет разлома, Извечный Светоч, которая Мирай, так же, как и Изначальная Тьма – она же Рáссах, в мир выбрались одновременно, считались сестрами и были непримиримыми врагами. И детей плодить стали одновременно. Вот только у Мирай дело пошло бодрее, что очень не понравилось Тьме.

Теперь, в отличие от первых дней, когда уже на второй странице глаза начинали болеть, а буквы – расползаться по бумаге нечитабельными символами, я уже не мучилась от этих неудобств и могла читать часами. Если бы не мочалки, то забывала бы даже есть.

Поворочавшись в постели, я все же встала, на ощупь, в темноте, обулась и, набросив камзол прямо на сорочку, заменявшую мне ночную рубашку, прокралась к дверям.

С освещением здесь все было очень интересно. Когда я впервые покрутила матовый камень, вделанный в стену, и зажмурилась от ярко разгоревшегося света, в то время как мочалки, заверещав, бросились прятаться под кровать, туда, где было темно, я сначала решила, что у них тут есть электричество. Оказалось, что электричества нет, зато есть энергия и множество разнообразных кристаллов.

Есть светящиеся, которые разгораются тем ярче, чем сильнее прокручивается подведенный к ним камень, есть греющие, есть морозящие, есть куча всяких кристаллов с разнообразными свойствами. Очень удобно, но немного

непривычно.

Я кралась по полутемным коридорам, едва освещенным тусклым светом больших мутно-белых кристаллов длиной в полторы люминесцентные лампы стандартного размера.

Хотя кралась – это сильно сказано, если учесть, что сапоги в темноте я выбрала неудачные. Те, которые на два размера больше, зато красивые. И теперь, шаркая подошвой, ползла в сторону библиотеки.

Неладное почувствовала не сразу. Просто свет словно стал еще тусклее и повеяло холодом.

Мысль о том, что мне, кажется, пришел полный кабздец, настигла спустя три удара сердца, когда из-за поворота, вбирая в себя рассеянный свет, выплыла клубящаяся тьма. Она шевелилась, накатывала на мраморные плиты, дрожала и рассыпалась по полу темным ковром. Зрелище красивое, завораживающее, но жуткое до чертиков.

Отступив на два шага назад, я с замиранием сердца ждала, что будет дальше.

Хотелось верить, что тьма сейчас просто проползет по коридору, не заворачивая ко мне, а я тихо и спокойно вернусь в комнату, подопру дверь комодом, спрячусь под одеялом и больше никогда-никогда в жизни не выйду ночью на прогулку.

Вслед за клубящейся тьмой медленно, по-хозяйски неспешно, из-за поворота показалось что-то огромное, черное и страшное. Фигура, отдаленно напоминающая челове-

ческую, медленно повернула голову, обвела взглядом коридор и остановила на мне свои страшные, сверкающие глазделки.

Я почувствовала, как сердце в истерике пакует чемоданы, мечась по грудной клетке и расталкивая легкие. Отдавив почки и чуть не завязав морским узлом кишки, оно ринулось вниз. В гости к пяткам.

Мочалки, конечно, тоже на котятки похожи не были, но такого страха, как это желтоглазое чудовище, не вселяли. Это был чистый, незамутненный животный ужас.

Огромное двухметровое нечто замерло на пересечении коридоров, стоя по колено в шевелящейся тьме.

Кристалл над ним мигнул и погас.

Мои нервы просто не смогли этого выдержать. Я побежала, забыв о том, что знающие люди советуют не убегать от диких опасных зверей, что это их только спровоцирует.

Передо мной был не медведь, и не волк, и совсем не пума, передо мной было что-то принципиально другое. Страшнее, смертоноснее и голоднее.

Я летела по коридору, потеряв где-то сапоги. Камзол скинула сама, когда почувствовала, как черные щупальца ухватились за его полу, и теперь темным, плохо различимым в царящем здесь полумраке призраком неслась вперед, не разбирая дороги и не слыша даже звука собственного сбившегося дыхания.

Уши заложило, я чувствовала, как что-то пульсирует в го-

лове, как страх взрывается миллиардами острых осколков, заставляя тело дрожать, потом собирается в один большой ком и снова взрывается.

Выскочив в незнакомый зал, я на мгновение застыла, ощущая, как тьма наплывает сзади, как тянется к моим босым ногам.

Со мной играли, в этом не было сомнений. Желай это создание меня убить, я была бы уже мертва. А пока у меня был шанс. Пускай и призрачный, но шанс на спасение.

Проскочив зал и добежав до лестницы, я, не раздумывая, бросилась вниз. Где-то там должен был быть выход на свободу. В крайнем случае, если двери окажутся закрыты, всегда можно выбить витражное окно нижней галереи и вывалиться в кусты черных роз, цветущих под стенами замка.

Я достаточно хорошо успела исследовать первый этаж, чтобы не заблудиться там, а желтоглазый очень кстати чуть отстал, и это вселяло надежду. Надежду, разбившуюся о большие, тяжелые двустворчатые двери, которые были наглухо заперты. Я толкала их, пинала, пыталась даже уговорить открыться... Все безрезультатно.

Оставалось красивое витражное окно, изображавшее сцену охоты. И если на дверь я не особо рассчитывала, то уж в том, что смогу выбраться через окно, даже не сомневалась.

Когда витраж не разбился вдребезги после первого удара стулом, притащенным из соседней комнаты, я еще не отчаялась, после четвертого запаниковала, после пятого осознала,

что эта ночь может стать последней ночью в моей жизни.

Каждый раз, когда стул соприкасался со стеклом, по окну проходила полупрозрачная волна, и стул отскакивал в меня. Я уворачивалась и повторяла попытку.

Шестой попытки не было. Я умела учиться на своих ошибках. Не сразу, конечно, но даже до меня со временем дошла вся бессмысленность моих действий. Стекла в замке не бились.

Желтоглазый появился в галерее как раз в тот момент, когда я, пнув на прощание стул, вновь побежала.

Теперь уже навверх.

Лестница, после преодоления которой дрожали ноги, узкий полутемный переход, еще одна лестница поменьше, коридор, еще коридор, мрачная анфилада, потом еще один коридор, и я оказалась в заброшенной части замка.

Нет, выглядела она совсем так же, как и та, в которой жила я, но интерьер был присыпан пылью, а кристаллы, казалось, горели не оттого, что тут кто-то ходит, но лишь потому, что их забыли выключить. И даже пахло здесь забвением. Холодный сырой воздух, наполненный запахом земли и пыли.

Большинство комнат были закрыты, а те, что оказывались открыты, – пусты и не запирались изнутри. Голые стены, черные провалы окон. Жуть жуткая.

Перебегая от одной двери к другой, я металась по коридору в безумной надежде найти укрытие.

И не находила.

Ноги уже давно замерзли до состояния нечувствительных ходилок, я просто передвигала их, не ощущая ни колющей крошки осыпавшегося камня, ни холода старого, кое-где треснувшего мрамора.

Желтые глаза еще не видели меня, но я чувствовала, как тьма приближается, как она стелется по моим остывающим следам, безошибочно отыскивая дорогу.

Можно ли спрятаться от того, что видит тебя даже через камень?

Я оптимистично верила, что можно.

Очередная дверь после ряда разгромных неудач поддалась и неохотно, с возмущенным скрипом, открылась. Свет не горел, но я быстро нашла местный аналог выключателя и осторожно прокрутила его.

Это был кабинет. Оставленный незапертым, полностью обставленный кабинет с проходом, ведущим в небольшую скромную спальню, а там – еще одна дверь в коридор.

Заперев кабинет изнутри, я осмотрелась.

Пыльно, печально и очень... безысходно, что ли.

Книжный стеллаж, занимавший всю правую стену, угнетал пыльными забытыми книгами. На столе – бумаги, чернильница, перьевая ручка с засохшими чернилами. Кожаная папка и огромный черный череп.

Потрогав выкрашенные черным зубы пальцем, я невольно вытерла его о ночнушку.

Все ящички в столе были заперты.

Медленно обойдя стол, я осмотрелась и только сейчас заметила большую картину в красивой раме, висевшую на противоположной от книжного шкафа стене.

Семейный портрет. Он, она и ребенок.

На темном фоне неровных мазков выделялось золото резного стула, на котором, выпрямив спину, сидела темноволосая, красивая, но холодная женщина с равнодушным синим взглядом фарфоровой куклы. За ее спиной, положив руку на спинку стула, стоял мужчина. Массивный и хмурый, он был так же черноволос. Темные глаза с сурового лица смотрели тяжело и пристально. Как бы я ни встала, с какой бы стороны от картины ни замерла, казалось, он смотрел именно на меня.

Перед мужчиной, в шаге от женщины, сидящей вполоборота от него, застыл мальчик. Лет восьми, быть может, десяти. Бледный и напряженный, он решительно смотрел прямо перед собой. От моего хищника в этом ребенке были только глаза. Желтые, светящиеся даже на картине. Уже тогда белок его глаз был черным, а взгляд серьезным.

Красивый портрет счастливой семьи, ничего не скажешь...

– Нравится? – вкрадчивый тихий голос, раздавшийся за спиной, чуть не остановил мое сердце.

Тьма нежно льнула к босым ногам, не спеша их есть.

Я забыла, как дышать.

– Я был первенцем матери, меня отдали в самую сильную

семью. – На плечи легли ладони, с которых на меня стекала тьма. По груди, по бокам, окутывая руки.

Сердце предприняло еще одну попытку остановиться, но желание жить оказалось сильнее.

– Первенцем?

– Тьма Изначальная, моя госпожа и мать, захотела ребенка. Ей нужен был наследник. – Прохладные пальцы, скрытые тьмой, нежно погладили мои плечи. – Довольно странное желание, если учесть, что делиться властью она не планировала. Но я был создан по велению ее и отправлен сюда.

Голос хищника стал задумчивым и рассеянным:

– В эту несчастную семью.

– И что с ними стало? – с замиранием сердца спросила я.

– В день пробуждения силы я убил их, – равнодушный ответ.

Гулко сглотнув, я беспомощно смотрела на картину. Действительно, а чего еще я ожидала? Счастливого хэппи-энда, как в фильмах?

– Я не предупреждал тебя, потому прощу на первый раз, – вновь заговорил он после недолгого молчания, – но впредь не выходи из комнаты в безлунье. Это мое время. Поняла?

Я энергично закивала.

– А сейчас ты, не оборачиваясь, вернешься к себе и не выйдешь до восхода солнца.

Я снова закивала.

– Иди, – меня подтолкнули к открытой двери.

На негнущихся ногах, находясь в каком-то густом, холодном тумане, я добралась до выхода, вырвавшись из тьмы, заполнившей кабинет, сделала еще с дюжину шагов, а потом побежала.

Я так и не поняла, как добралась до спальни и не заблудилась, хотя неслась не разбирая дороги, желая просто убежать.

А в спальне на спинке стула висел брошенный мной камзол. Потерянные сапоги стояли рядом.

Глава 3

Гастрономические извращения

Много до чего могли бы довести ночные прогулки в одиночестве по плохо знакомым местам, начиная от увлекательной встречи с маньяком и заканчивая веселой поездкой в чьем-нибудь багажнике.

А вот моя ночная прогулка вылилась в завтрак с гастрономическим извращенцем, легко поедавшим людей целиком. В смысле, с замечательным, очень гостеприимным и таким великодушным хозяином этого замка, моих мочалок и странной картины, хранящейся в пыльном кабинете, который совсем точно не станет завтракать мною... Ну, верить в это очень хотелось.

Обнадеживало еще то, что приведенная в большую, неудобную и мрачную столовую я была усажена за накрытый стол.

— А вы что, и нормальной едой питаетесь? — я очень старалась задать вопрос как-нибудь так, чтобы хищник вдруг не решил, что я тут над ним смеюсь... но не получилось.

На меня посмотрели так, что возникло непреодолимое желание пойти и самозакопаться под ближайшим угрюмым кряжистым деревом, которых, например, в парке было огромное количество, чтобы не досаждать больше этому чу-

дищу своим неуместным любопытством.

– Человек, – пренебрежительно выплюнул он, откинувшись на высокую спинку стандартно черного резного стула, – если из-за того, что я не убил тебя ночью, ты вдруг возомнила, будто меня не стоит бояться, то я вынужден тебя огорчить...

– Яна меня зовут. – Да, я перебила его, да, мне было совсем не стыдно и даже ни капельки не страшно. После своего безлунья он выглядел уставшим, ленивым и почти не опасным, а я была невыспавшаяся и на взводе, и плевать я хотела на его недовольство. Я на завтрак не напрашивалась, могла бы и в своей комнате спокойно поест. Но нет же, их темнейшее велели мочалкам притащить меня в эту мрачнющую комнату, выполняющую обязанности столовой. Сам позвал, сам виноват. – И вы мне все равно ничего не сделаете.

Выразительно приподняв бровь, он ждал пояснений, и я решила его не огорчать. Пусть знает, что я знаю.

– Вы же сами говорили, что собираетесь использовать меня в качестве приманки, а это значит, что я нужна вам живой.

– Пока, – многозначительно протянул он. Будто бы меня можно было теперь этим напугать. В первые дни, когда еще была слабая надежда вернуться домой, я, быть может, и испугалась бы, но не после того, что узнала не так давно...

– Излом – закрытый мир, вернее его уцелевшая частичка, скрытая от всех остальных миров сдерживающим заклин-

нением. – Сложнее всего, пожалуй, было даже не поверить в это, а просто озвучить с серьезным выражением лица. Я чувствовала себя почти ненормальной. Почти, потому что мочалки, странный мужик, замок и всякая чертовщина были реальны, и все это действительно было по-настоящему. Даже когда мозг отказывался верить в происходящее, интуиция утверждала, что я не сошла с ума. Ну не могла я просто настолько качественно свихнуться, не с моей убогой фантазией. – Если этим вашим сектантам как-то и удалось меня сюда затащить, то обратно я все равно не попаду, а это значит, что бояться смерти бессмысленно.

– Почему?

– А смысл? – Я пожала плечами. – Домой я уже не вернусь, а с моим поганим характером здесь все равно нормально не устроюсь. Кто-нибудь непременно свернет шею за мой длинный язык.

Хищник усмехнулся, глядя на меня с интересом:

– Хорошо, что ты все понимаешь, – благожелательно кивнул он, бросив моей мочалке: – Ты, помоги ей сесть.

– Вообще-то, его зовут Бося.

Я могла собой гордиться, мне удалось шокировать хищника.

– Что?

– Бося. – Я указала на мочалку побольше, та польщенно заурчала, а я не очень вежливо ткнула пальцем в ту, что поменьше: – Дося.

Хищник молча смотрел на меня, грея душу своим ошалевшим видом.

– Босенька, скорее всего, мальчик, – продолжила развивать тему я, – он больше и наглый какой-то, а Досенька – девочка. Маленькая и все красивое очень любит.

Мочалка смущенно прикрыла глаза лапкой, тоненько тренькнув от удовольствия. Не привыкли мои заморыши к такому вниманию. А внимание было, и какое. Хищник медленно перевел взгляд с меня на Досю и глядел на нее во все глаза. Долго глядел, пристально, а потом осторожно спросил:

– Что заставило тебя сделать такие выводы?

– Длительные наблюдения за поведением мочалок в их естественной среде обитания, – гордо отрапортовала я. Приятно было видеть эту страшную морду в таком недоумении.

– Мочалок... – задумчиво протянул хищник, пытаясь как-то понять мою мозгодробительную логику, а если не понять, то хотя бы с ней смириться. – Не хочу тебя расстраивать, но эти существа бесполое.

– Что?

Бося галантно отодвинул мне стул, страшно проскрежетав ножками по полу, и теперь преданно заглядывал в глаза.

– Они созданы магией, не имеют пола и неспособны самостоятельно размножаться.

Я посмотрела на Босю, Бося смотрел на меня, и мы совсем не верили словам этого типа.

– И все равно мальчик, – упрямо шепнула я, упав на стул

и сразу же потянувшись к тарелке с булочками. Нормальный хлеб, к которому я привыкла, здесь не пекли, зато булочек было много и разных. И все они были такими вкусными, а я была очень голодной.

Хищник недолго смотрел на меня, не то чтобы умиляясь моему аппетиту, но определенно его одобряя.

– Раяр, – произнес он, сбив меня с мысли. Выбирая между странного вида субстанцией, напоминавшей паштет, и ломтиками тонко нарезанного запеченного мяса, я не была готова к продолжению разговора.

– Чего?

– Мое имя.

– Круто... вот и познакомились.

Мочалки спрятались под столом, размеры которого впечатляли. Длинный, внушительный, на дюжину мест, застеленный черной скатертью с тонкой вышивкой, под которым очень хорошо прятаться двум мелким попрошайкам.

Раяр (ну и имечко, конечно) сидел во главе стола, я напротив него, а между нами расстилалась гладкая чернота скатерти и тяжелая тишина.

Если бы не мочалки, я бы чувствовала себя очень неудобно, но коленки то и дело касалась когтистая лапка, выпрашивая еду, и мне было спокойно и чуточку весело.

Правда, веселье было недолгим и закончилось неприятностью эпических размеров.

– Мне кажется, ты не до конца понимаешь, куда попала, –

рассеянно, как бы между прочим, заметил Раяр, хотя его внимательный взгляд говорил о том, что к этому выводу он пришел после долгих наблюдений.

А я что? Я просто постаралась забыть, что нахожусь здесь не одна. И даже удачно забыла на свою голову.

Дося, усердно грызя ребрышко, великодушно спущенное мною под стол, замерла, прекратив хрустеть костью, Бося переливчато чирикнул и обнял мою ногу лапками, уткнувшись мордой в коленку.

И мне самой как-то сразу сделалось беспокойно. Мочалки своего хозяина лучше меня знали, и если он вот так внезапно их напугал, значит, и мне ничего хорошего перепасть не должно было.

– Почему же не понимаю? – осторожно заговорила я, не представляя, как заверить Раяра в том, что я вообще-то исключительно наблюдательная личность и сразу просекла, в какую черную дыру попала: – Я все поняла с самого начала. Вот как тот урод развлекаться резьбой по телу начал, так сразу все и поняла.

Вкуснейшая каша с фруктами, съеденная мною только что, тяжелым камнем осела в желудке.

Хищник продолжал смотреть.

Под столом осторожно захрустели ребрышком. Дося, не в силах перенести царившее в столовой напряжение, решила вернуться к еде, здраво рассудив, что если впереди ждут неприятности, то встречать их лучше на полный желудок.

А мне кусок в горло не лез...

– Слушайте, а давайте вы куда-нибудь в другое место смотреть будете? – не выдержала я.

– Куда?

– Да хотя бы в свою тарелку.

Он медленно опустил взгляд, несколько секунд даже честно разглядывал недоеденный кусок мяса. Преотвратнейшего вида. Слабопрожаренное и с кровью. Мне даже с такого расстояния было видно, что оно совершенно несъедобно, а этот ел и не морщился.

– Нет, с этим определенно что-то нужно делать, – сообщил он своему завтраку и решительно поднялся.

Я сразу неладное почувствовала и в столовые приборы вцепилась – вилку на три зубца и нож, – готовая в случае чего колоть и резать.

А Раяр прямо напрашивался на то, чтобы его порезали, потому что я – нервная и впечатлительная, а он – страшный и беспросветный, как моя жизнь.

– Поднимайся, – велели мне таким тоном, от которого появилось жгучее желание под стол сползти, к мочалкам.

Но я мужественно поборола трусливый порыв и поднялась, продолжая сжимать в руках столовые приборы.

Раяр хмыкнул:

– Тебе с ними спокойнее?

Я крепче сжала вилку и кивнула. Пусть ржет, если хочет, но я их не положу. Так и правда... спокойнее.

Тьма потянулась к нам от каменных стен, из углов, не освещенных рассеянным, слабым светом кристаллов, даже из-под стола, где, тихо поскуливая, затаились мочалки. Она сгущалась, наползала на нас волнами, скрадывая неудобный, гулкий простор столовой.

– А что...

– Я хочу тебе кое-что показать. – Раяр, в отличие от меня, никакого дискомфорта от этих своих перемещений не испытывал, судя по всему, и совсем неправильно понял причину моей бледности. – Что же ты? Еще рано бояться.

Темные хлопья, отрываясь от основной массы, медленно кружили в воздухе, красиво тлея по краям.

– А может, не стоит?

Не удостоив меня ответом, Раяр сделал то, что сделал бы любой гад на его месте: переместил нас куда-то, не спросив моего согласия.

Не ожидавшая такой подставы, я не сумела устоять на ногах и шлепнулась бы на камни, не удержи меня крепкая рука.

– Вы, люди, такие слабые, – небрежно заметил он, подтолкнув меня вперед.

Тьма рассеялась, и я смогла разглядеть место, в которое меня притащил этот тип.

Больше всего это было похоже на грот, казалось, я даже слышу шум воды где-то совсем рядом. Неглубокая просторная пещера со сводчатым потолком и широким проходом.

Мы стояли на границе света, который исходил от друз¹, выстилавших стены, а прямо напротив нас, словно выходя из камня, стояла высокая женская фигура. Она рвалась на свободу, стремилась вперед, ломала оковы и казалась живой, будто бы застывшей в мгновении.

– Вот это да... – Первый шаг к фигуре я сделала сама. Раяр не подталкивал, не торопил, я не сразу даже осознала, что он следует прямо за мной.

Второй шаг.

Фигура возвышалась надо мной, высеченная в камне, пойманная в движении, с протянутой вперед рукой и прямым взглядом в темноту.

Третий шаг.

Лицо красивое, решительное, с мягкими чертами.

Четвертый шаг – и я подошла достаточно близко, чтобы почувствовать *это*.

Она не была красивой, не завораживала взгляд, не влекла к себе.

Пятый шаг сделать я уже не смогла.

Нет, попыталась, конечно, но тут же отшатнулась, врезавшись спиной в грудь Раяра.

– Почувствовала наконец, – усмехнулся он, крепко сжимая мои плечи прохладными руками.

– Это что такое? – прошептала я, не решаясь говорить

¹ Друза – множество сросшихся друг с другом кристаллов, расположенных, как правило, хаотично и очень тесно.

громко и боясь отвести взгляд от этой фигуры. И шевелиться я тоже боялась, потому и стояла как вкопанная, прижимаясь к хищнику, который вот конкретно сейчас казался совсем не опасным даже. Надежным. Потому что я ему еще нужна, а значит, жить буду, а вот этому вот... Вот этому вот я не нужна. Ему никто не нужен.

– Познакомься, Яна, – голос был насмешливый, но слышалась в его насмешке какая-то нервозность, не одной мне здесь не по себе было, – это Тьма Изначальная. Рассак. Моя мать.

– Не повезло вам с мамкой, – вынуждена была признать я. Раяр молчал, я тоже молчала. Мы стояли, Тьма, которая Изначальная, с вытянутой вперед рукой и гордо поднятой головой пыталась вырваться из камня. Где-то далеко волны бились о скалы.

Мне было плохо и страшно, непосильная тяжесть давила на плечи, я знала, что не выдержу этого груза, что нужно уходить отсюда, бежать без оглядки, но сильные руки держали крепко, и я продолжала стоять на месте.

Первым не выдержал хищник.

– Ты так и будешь молчать? – недовольно поинтересовался он.

– Ну, вы же молчите...

– Я жду истерики.

– Чего?! – Я дернулась, желая повернуться, но в то же время боясь выпустить из поля зрения каменную фигуру.

– Ты должна сейчас чувствовать разрывающий сознание ужас, плакать и умолять меня увести тебя отсюда, – раздраженно ответил он. – Это колыбель матери, даже мне тяжело здесь находиться.

Слов не было. В смысле, слова-то были, но все матерные и к озвучиванию непригодные.

– Раз тяжело, так пойдемте отсюда, я ж не изверг, чтобы расшатывать ваше хрупкое душевное равновесие, – хмуро сказала я, с трудом сдерживая ругательства.

Я его еще всего обматерю, но только наедине с собой, за закрытыми дверями и в подушку.

– Хорошо, – угрожающе протянул он, и тьма метнулась к нам. Раздраженный гад не позаботился об аккуратности, переход был быстрым, а я с минуту беспомощно висела в его руках, стараясь сморгнуть черные точки перед глазами и встать на подгибающиеся ноги.

Раяр молча ждал, пока я приду в себя, с каменной рожей сверху вниз глядя на мое вялое копошение.

А ведь где-то там, далеко, меня ждала недоеденная каша, недопитый чай и вкусные булочки. Ну, и мочалки мои, конечно.

Убедившись, что я наконец-то могу стоять самостоятельно и даже понимаю, что происходит, этот... достойный сын своей матери резко развернул меня лицом к чему-то плотному, черному и бесконечному.

– Смотри.

И я посмотрела. Налево посмотрела, направо посмотрела, и вверх тоже, и даже вниз. И вот только внизу была земля. Сухая, почерневшая, мертвая даже какая-то, но вполне привычная.

А во всех остальных направлениях была черная пленка, впитывающая солнечный свет.

– Это... что?

– Ты читала историю Излома, – издалека начал Раяр, – и знаешь, что наш мир раскололся, но едва ли понимаешь, насколько все серьезно. Излом – это не просто название того, что осталось от прошлой жизни, это напоминание об утрате всего. Древние боги, существа сильнее, яростнее и опаснее моей матери, в своей бессмысленной войне уничтожили себя и мир, что был ими создан.

Он указал на тьму, подтолкнув меня ближе к ней. Я не хотела идти, готова была закатить истерику, которую он так хотел, лишь бы не приближаться к этой страшной границе.

Остановились мы в шаге от неминуемой драмы. В шаге от стены. Я уже готова была орать, вырываться, плакать и очень просить прекратить... а он бы наслаждался моими воплями.

– Осталось только это. Не поверишь, но, если бы не мать, выскользнувшая из первой трещины, ничего этого уже не существовало бы. Она спасла эти земли, чтобы потом медленно их уничтожать.

Я почувствовала, как похолодели мои подрагивающие пальцы, крепко сжимавшие вилку, и вздрогнула, когда одна

крепкая ладонь, отпустив плечо, соскользнула вниз, сжала мое запястье и уверенно подняла руку, заставляя коснуться границы.

– Не надо...

– Ш-ш-ш... – Склонившись к моему уху, он с отвратительным удовлетворением прошептал: – Не сопротивляйся, все будет хорошо. Я просто хочу, чтобы ты почувствовала это.

И я почувствовала.

Вилка, все еще зажатая в моей руке, задрожала, упершись в тьму, дергаясь в пальцах тем больше, чем сильнее давил Раяр. Не выдержав такого издевательства, она выскользнула из моей руки, с гневным «дзынь» упав в паре шагов от нас, искореженная и оплавленная.

Раяр хмыкнул и крепко прижал мою руку к чуть заметно шевелящейся, будто бы дышащей, стене.

Сначала онемели пальцы, первыми коснувшиеся тьмы, потом ладонь. По нервным окончаниям, растекаясь мертвым, холодным огнем, прокатился дикий неконтролируемый ужас.

Гад своего добился. Я орала, срывая горло, плакала, кажется, пыталась вырваться, а он держал меня и тихо смеялся.

Сознание прояснялось медленно, лениво, легкий, сухой ветерок охлаждал лоб, на котором выступила испарина.

Я чувствовала себя разбитой и жалкой. Горло болело.

А Раяр сидел на земле, укачивая меня на коленях, и до-

вольно мурлыкал что-то себе под нос.

– Знаешь, – он потерся щекой о мои волосы, крепче прижимая к себе, – твой ужас просто восхитителен. Признаться, я так увлекся, что чуть не проглотил тебя целиком.

– Вы мной питались, – прохрипела я. Каждое слово больно царапало горло.

Он засмеялся:

– Конечно. Ты просто очаровательно боишься, я понял это еще вчера.

– Извращенец, – мне было трудно говорить, но я должна была открыть этому уроду глаза на правду, – гастрономический.

Ответом мне был смех. Раяр был сытый и очень благожелательный. Рывком поднявшись на ноги прямо со мной на руках, он задрал голову, глядя на небо.

– Теперь ты знаешь, как близко к уничтожению то, что осталось от нашего мира.

– То, что осталось от вашего мира, полностью нарушает все законы физики, – упрямо прохрипела я, нервно откашливаясь. – Поставьте меня, пожалуйста.

Он подчинился, медленно опустив меня на землю, и даже придержал, дожидаясь, когда я приду в себя и перестану шататься.

Я вкусненькая, меня беречь надо.

– И вообще, непонятно. Если мир разрушен, значит, и атмосферные слои уничтожены. А у вас же тут есть небо

и облака, и мы же дышим воздухом... – Я с трудом сглотнула, резко подняв взволнованный взгляд от земли, то там, то здесь иссеченной редкими красными нитями, не замеченными мною до этого, к серым, тяжелым облакам. – Значит, атмосфера все же есть. И земное притяжение, и... солнце, солнце же. Есть день и ночь...

Меня прервал тихий смех.

– Что?

– Ты пытаешься объяснить Излом законами того мира, в котором выросла, – он с умилением заправил прядь волос мне за ухо, погладив щеку большим пальцем, – и это неправильно. Излом – это не мир в полном понимании этого слова. Видишь ли, это всего лишь кусочек прошлого, спасенный магией. Ты же должна была об этом читать.

И вот стою я перед этим... смотрю на него, слушаю и понимаю даже. Очень хорошо понимаю, что все намного печальнее, чем мне сначала думалось. Что я не просто в другой мир попала, я попала на увечный обломок.

Как же я попала.

– А мы сейчас где?

– Погасший остров. – Раяр огляделся. – Это единственное место, где завеса соприкасается с сушей.

– И остров... весь такой? – спросила я, обведя рукой унылый пейзаж. Вся земля до горизонта, насколько хватало глаз, была черной, мертвой, пронизанной красными нитями. Желания подойти поближе и проверить, лава это на самом де-

ле или просто кажется, у меня совсем не возникало. И находиться здесь дальше не хотелось. Тут я была лишней и ненужной, зато Раяр, судя по всему, чувствовал себя как дома.

Мне было здесь совсем не место, но вот он, уверенно стоя на ногах, в своей черной одежде очень гармонично вписывался в мрачный пейзаж.

– Завеса выпила из него всю жизнь, – кивнул он, осматриваясь. Взгляд равнодушно скользил по пустому горизонту.

Мне больше нечего было сказать. Горло болело, рукоять столового ножа, который я продолжала упрямо сжимать, скользила во влажной руке.

Еще одна истерика была на подходе. Еще хоть одно недуманное слово с его стороны, неосторожное движение или просто странный взгляд, и истерика, которой так желал этот темный тип, могла повториться.

К счастью, доставать меня и дальше у него не было никакого желания.

– Пора возвращаться, – решил он, что-то такое заметив в моем взгляде. – Полагаю, тебе о многом нужно подумать.

Нервный кивок был ему ответом, хотя я точно знала, что ни о чем сейчас думать не буду, и потом – тоже. Никогда не буду. Все это казалось слишком непонятным и совершенно невозможным, чтобы пытаться что-то осмыслить. Я была уверена, что свихнусь раньше, чем постигну смысл всего происходящего.

Главное для себя я поняла: тут кругом магия. Магия...
Гарри Поттер отдыхает просто.

Глава 4

Велари

Бося настойчиво курлыкал, царапая дверь, а я сидела на краю ванны и пыталась очень правдоподобно врать.

– Я же сказала, что не голодная. Пусть завтракает без меня.

– Ур-р-р, – Бося не сдавался, а моя многострадальная дверь из серой постепенно превращалась в полосатую.

– Не выйду!

Нет, мочалку, конечно, я понять могла, и мне даже было ее жалко, но себя-то жалко больше! А если я сейчас послушно пойду завтракать с этим темным типом, то опять во что-нибудь вляпаюсь.

Просто не мог этот затейник поест спокойно.

Вчера, например, мы на горы перемещались, которые отделяют его земли от Туманного удела. И вот там, стоя на головокружительной высоте, отмораживая себе все, что только можно, и глядя на затянутые туманом леса, раскинувшиеся далеко внизу, я наконец-то поняла, что с меня хватит.

Болота Аггел, как с нежностью называл их Раяр, чуть меня не утопили, хотя я честно старалась не отходить далеко от хозяина этих жутких земель; Тарийские степи продули насквозь, а горы и вовсе чуть не заморозили.

Хищнику нравилось показывать мне всякие кошмарные места, они вызывали у меня сильные эмоции, которым эта темная сволочь была только рада.

И я наконец-то осознала, что больше так не хочу.

Было куда как лучше, когда Раяр и вовсе не замечал моего присутствия в своем доме. Словно бы он обо мне совсем забыл...

И за каким чертом я поперлась в ту проклятую ночь в библиотеку? Зачем усложнила свою и без того нелегкую жизнь?

– Ур-р-рк. – К делу подключилась Дося, и меня в четыре лапы принялись выскребать из ванной.

– Не голодная я! – рявкнула раздраженно и искренне удивилась, когда мочалки перестали скрестись в дверь.

Оптимистичная мысль, что они сдались и позорно бежали, трагически скончалась, стоило только раздаться спокойному:

– Рад это слышать.

И вот он рад, а я чувствую, что только что произошло нечто непоправимое...

– Появилось одно дело, – развивал между тем мысль мой кошмар. – Я собирался пойти один, так как знаю, насколько важен для людей своевременный прием пищи, но раз ты не голодна, то сможешь отправиться со мной.

– А сюда пришли... зачем? – спросила я, осматривая ванную. Зеркало, раковина, медная ванна на львиных лапах, стеклянный шкафчик, полупустой, но симпатичный... уни-

таз тоже медный. Спрятаться негде, а выходить не хочется.

За дверью недолго помолчали, хищник осмысливал во-прос.

– Не знаю.

Я прямо чувствовала, как он сейчас равнодушно плечами пожал, стоя у двери и дожидаясь, когда я ее открою.

Не дождался.

Постучал так, что я вздрогнула, и потребовал:

– Яна, выходи.

– Яна сегодня не выйдет, – жалобно проблеяла я, – она наказана.

С той стороны шокированно молчали, даря мне лишние секунды спокойной жизни. Я отчаянно стремилась продлить прекрасное мгновение, потому и спросила:

– И что значит: вы знаете, как важен для людей прием пи-щи? Откуда?

– Не хочу тебя расстраивать, если ты вдруг вообразила се-бя исключительной, – хмыкнул он, – но в те времена, когда над нами царила Изначальная Тьма, люди жили на этих зем-лях.

– Вы ими питались, да? – Это в той, беззаботной, жизни я была радостной оптимисткой, а попав в этот мир, стала за-конченной пессимисткой.

Пессимизм мой был вполне оправданным, кстати. Отри-цать Раяр ничего не стал, спокойно подтвердив, что они их не только ели, но и в качестве бесплатной рабочей силы ис-

пользовали.

Такие полезные, такие вкусные ресурсы, даром что мрут как мухи.

И пока он об этом рассказывал, я все яснее осознавала, что в ванной очень уютно. Светло, тепло даже, а главное, тут нет всяких темных личностей.

– Ты собираешься выходить? – не выдержал Раяр, когда я уже окончательно решила, что хочу остаться здесь жить.

– Нет.

– Тьма мне свидетель, я пытался быть терпеливым, – печально и очень подозрительно вздохнул он, а в следующее мгновение ко мне в ванную начала заползать та самая тьма, которая свидетель.

Сначала я просто сидела, пораженно глядя на это дело, до последнего не веря в такую подставу, потом, когда черные щупальца подползли слишком близко, забралась в ванну.

– Еще не передумала? – спросил тот, который пытался.

Посмотрела на пол, укрытый черным подрагивающим ковром, и поняла, что теперь уже точно не выйду. И не только потому, что не хочу. Просто не могу. Не было во мне столько дури, чтобы добровольно ножками вот в эту вот черную гадость становиться.

Не дождавшись ответа, Раяр усилил натиск, тьма начала подниматься по двери, по стенам... по ванне.

Пугал, стало быть, но я-то знала, что мне ничего не будет: от вкусненьких так просто не избавляются. Особенно когда

это единственный экземпляр на всю их темную землю. А с другой стороны, кто знает, что в его ненормальной голове за мутировавшие тараканы водятся?

– Я сильная, я смелая, я способна держать себя в руках... – шептала дрожащим голосом, нервно перебирая похолодевшими пальцами по медному краю ванны. Тьма продолжала лезть в щель под дверь, и мужество мое быстро кончилось. Аккурат к тому моменту, как подрагивающие щупальца медленно перевалились через медный бортик. – К черту все, я неадекватная истеричка!

Обеспокоенное курлыканье мочалок перекрыл злорадный смех.

– Я все поняла! Я готова выйти!

– Так бы сразу, – весело отозвались из спальни, и тьма всосалась обратно под дверь.

Выходила я медленно, тяжело, неохотно очень, смотря исключительно себе под ноги.

– Неадекватная истеричка, значит? – с улыбкой спросили у меня. Улыбка была стандартно-издевательская, фирменная гадская улыбка этой сволочи. Даже не улыбка, а так, облегченная версия ухмылки.

Ему было весело, а мне обидно.

– Бояться не буду, так и знайте. – Я не совсем верила в то, что говорила, но определенно планировала сделать все, чтобы не доставлять больше удовольствие... этому.

– Как скажешь, – легко согласился Раяр, – твоя злость мне

тоже очень нравится.

И меня снова разобрало на составляющие, чтобы собрать уже в совершенно незнакомом месте.

– Ненавижу... ненавижу... ненавижу эти чертовы перемещения, – бормотала я, закрыв глаза и крепко вцепившись в плечо хищника. Меня ощутимо шатало и даже немножко мутило. – Ненавижу.

С трудом поборов недомогание, я медленно открыла глаза, чтобы понять, куда мы попали.

Это была площадь. Просторная, круглая, с установленным в центре фонтаном – огромное страшное чудище с рыбьим хвостом и зубастой пастью, из которой щедрым потоком лилась вода. Здания вокруг были красивые, аккуратненькие, будто бы вымытые с мылом.

Особенно выделялось городское управление (на позолоченной табличке, висевшей на нем, прямо так и было написано). Трехэтажное, прорезанное аркой высоких двухстворчатых дверей, с большими окнами, оно было непривычного (как мне казалось) для этих мест белого цвета, со вставками глубокого царственного багрянца.

А перед каменными ступенями, ведущими к управлению, рядом с очень тяжелой на вид мраморной чашей, стоял бледный худой парень, прижимая платок к порезанной ладони.

– Кто меня звал? – лениво поинтересовался мой кошмар. Хотя если обратить внимание на взгляды, которые на него бросали жители города, небольшой кучкой столпившиеся у

лестницы, Раяр был кошмаром всех своих земель.

– Я! – голос у парня был сильный, но напуганный. Темные глаза растерянно метались между мной и хищником.

– Зачем?

– Прощу справедливости. – Одежда его не выглядела дорогой, но удивительным образом подчеркивала все достоинства того, кто ее носил.

– Мой господин... – Вперед вышел полный мужчина, обряженный в щегольской камзол. Дорогие сапоги, дорогие штаны и сорочка, а выражение лица такое заискивающее.

Мужик мне не понравился сразу.

– Молчать, – сухо велел Раяр, обращаясь к тому, кто пролил свою кровь в чашу, чтобы вызвать хейзара, – говори ты.

Я стояла за левым плечом кошмара, нервно шевелила пальцами на ногах, пользуясь простором сапог, что были размера на два больше нужного, теребила перламутровую пуговицу на рубашке (не дешевле той, что была надета на неприятном мужике, пуговики у нас, по крайней мере, одинаково пафосно блестели на солнце) и прямо чувствовала, как нагнетается атмосфера.

Приятное летнее утро, ничего не скажешь. Вон солнышко из-за домов выходит, фонтан задорно журчит, а Раяр давит всех вокруг своим авторитетом. Идиллия.

– Эр Фалис, от вашего имени и по вашему указанию, потребовал отдать в его управление два акра земли, значащейся за нашей семьей уже больше ста лет...

– И ты призвал меня, потому что вы двое не поделили землю? – удивился Раяр. Удивление его было искренним: видимо, никогда еще его не вызывали по таким пустякам. Подозреваю, его и по серьезным-то вопросам не каждый решится потревожить.

– Он говорил от вашего имени...

– С этим разберусь, – нетерпеливо перебил парня Раяр, – еще что-то?

– Когда мы отказались отписать земли в собственность семьи Фалис, неизвестные похитили мою сестру. Вернуть ее обещали только после передачи земель...

– Это что за земли такие, ради которых не жалко и человека похитить? – присвистнула я.

– Скорее всего, территория с недавно открытыми рудниками, – пожал плечами Раяр, демонстрируя похвальную осведомленность делами своих земель. Чуть повернувшись ко мне, он небрежно заметил: – В одном из них были найдены золотые жилы.

Он говорил негромко, но темные, стоявшие в трех шагах от нас, все прекрасно слышали и нервно переглядывались.

Я уже знала, что правильно их раса называлась велари, но предпочитала звать их просто темными. Так было проще. Раяр – темное чудище, а все, кто живет на Темных землях, напоминают людей, но не являются ими – просто темные. А всех этих хейзаров и велари они могли оставить себе.

Парень кивнул, подтверждая его слова, а я задала еще

один вопрос:

– И что? Золото дороже сестры?

– Не путай велари с людьми, – оскорбился Раяр.

– Да-да, семейные узы велари крайне крепки и все такое, – нетерпеливо перебила его я, – но он же тебя вызвал, чтобы ты ему сестру вернул, а не рудники отдал.

– Я переписал земли на семью Фалис, – встрял в наш милый разговор парень, – седмицу назад все документы были оформлены, но сестру мне так и не вернули.

Я покосилась на Раяра, он тарашился на темного с недоверием.

Велари никогда и никому не отдавали того, что считали своим... а этот отдал.

– А почему к страже не обратился? Пусть бы они с этим престарелым жуликом сами разбирались? – озвучила я гениальный вопрос.

Парень поморщился и выразительно покосился на мужика.

И только тогда я заметила приколотый к его камзолу знак – стилизованный свиток с названием города. Название с такого расстояния было не разобрать, зато сразу поняла, что вот этот вот похититель дев – градоправитель.

– Понятно, – нахмурилась я, – государственный беспредел.

Мужик заметно взбледнул, но почти не трясся. Так, слегка вздрагивал, что в его незавидном положении можно было

считать проявлением запредельной храбрости.

– Сестра этого ненормального где? – просто спросил хищник, а у мужика, кажется, уже начала вся жизнь перед глазами проноситься. Взгляд, по крайней мере, остекленел.

А те, кто рядом с ним топтались, – родственники или подельники, непонятно – слаженно сделали шаг назад.

Мужик молчал, а Раяр особым терпением явно не отличался. Притомившись ждать ответа, он просто черным туманом перетек к градоправителю, по второму или даже третьему кругу прощавшемуся с жизнью.

«Показушник», – фыркнула про себя я, хотя не могла не признать, что выглядел этот его трюк впечатляюще.

По рукам ужаса струилась тьма, черными хлопьями опадая на мостовую и истаивая, не долетев до выстилавших ее камней.

И вот этой своей страшной ладонью он коснулся лба мужика.

– Яна, не подскажешь, что делают с мошенниками и ворами там, откуда ты родом?

– Поверь, тебе наши законы покажутся унизительно мягкими.

– Я так и думал, – пробормотал он, оценивающе оглядывая мужика.

За две с половиной минуты хищник узнал, где находится девушка и подписанные документы, и даже выяснил, почему сестру сразу не вернули брату. А потом...

– Приятного аппетита.

Раяр съел его полностью, не оставив на память даже значка градоправителя.

– Нового назначу завтра. – Брезгливо вытирая руки черным платком, казалось, появившимся в его руке прямо из воздуха, хищник перевел взгляд на парня. – А ты, значит, отказался подчиняться моей воле и отдавать земли?

Вопрос был задан без угрозы, но даже я почувствовала, что кого-то еще сегодня могут скормить тьме.

– Это был обман, – попытался оправдаться несчастный.

– Но точно это стало известно только после того, как ты отказал и твою сестру похитили, – озвучил хищник очевидное. Всем (даже мне) было хорошо известно, что, получив отказ, Раяр не стал бы похищать родственников, а лично пришел бы к наглецу и скормил его тьме. – Почему отказал?

– Эти рудники кормили мою семью. – Пацан боялся, казалось, я даже могу почувствовать вкус его страха, но все равно огрызался.

Раяр смотрел на него так... будто бы примеривался. Я прямо копчиком чуяла, что он собирается отдать этого несчастного тьме, и просто не могла смолчать:

– А знаете, кого еще нужно кормить? – вышло громко и немного истерично, но хищник отвернулся от своей жертвы, чтобы посмотреть на меня. – Человеков!

Наверное, это был первый раз в истории Излома, когда хейзар не накормил тьму из-за того, что пришлось кормить

человека.

Зато почти все живы остались. Документы были публично уничтожены, бледная и запуганная, но даже так удивительно красивая девушка – возвращена в семью, а планирование свадьбы того самого, тьмой съеденного, и этого заплаканного цветочка так и осталось только планированием. Захотел мужик и рудники получить, и молодой красивой женой обзавестись, а получил путевку в завлекательное путешествие по пищеварительной системе тьмы.

А меня накормили. Просто усадили за стол и предупредили, что мне нужно съесть здесь все.

– Если ты встанешь из-за стола и хоть на одной тарелке что-нибудь останется, ты сама станешь едой, – пообещал хищник с жутковатой улыбкой.

И я все съела... вернее, мы все съели. Если бы не неоценимая помощь моих бездонных мочалок, я бы не справилась.

– Первый выход в свет. – Растянувшись на кровати, я безумно разглядывала балдахин. Говорить было тяжело, дышать было тяжело и даже просто думать удавалось с трудом.

Я была сыта по горло – и это был не речевой оборот, меня тошнило от переедания.

Мочалки лежали рядом и, в отличие от меня, наслаждались этим чувством. Мазохистки мохнатые.

– Вы представляете? В первый раз вышла к местным нелюдям, и то только потому, что какой-то отчаявшийся идиот вызвал хейзара. Я толком ничего не видела даже... Как

же мне плохо.

Съеденный завтрак злорадно притаился в желудке, готовый в любое мгновение напомнить о себе.

Бося согласно прострекотал что-то на своем мочалковом языке и погладил меня лапкой по бедру.

Я столько литературы прочитала, так подробно изучила все, связанное с бытом велари, что смогла найти в библиотеке, и теперь очень хотела увидеть все это вживую. А Раяр меня только по диким местам водил, наслаждаясь моими эмоциями. Исключительно негативными, что печально. А как дело до города дошло, мы и не прогулялись даже. Он просто одного плохого дядьку сожрал, спас девушку и очень качественно запугал ее брата.

Я была почти уверена, что заметила в темных волосах пацана непонятно откуда взявшуюся седину, когда, готовясь к очередному перемещению и целому букету связанных с ним неприятных ощущений, в последний раз обернулась, чтобы полюбоваться картиной счастливого воссоединения семейства.

Парень прижимал к себе заплаканную сестру и смотрел на нас странным взглядом, будто бы еще не верил, что все закончилось так хорошо. Будто бы случилось чудо, на которое он не смел и надеяться.

– По всем правилам ты должен был его съесть, да?

На мой вопрос Раяр тогда не ответил и сразу повел в столовую, где запугал и закармлил.

А я поняла две вещи: велари странные, и парень, готовый стать едой хейзара, лишь бы спасти сестру, – прямое тому подтверждение. И Раяр, конечно, то еще чудище, но все же намного лучше, чем я привыкла о нем думать. Пацана-то он все же не съел.

И третье, неучтенное: мои мочалки – самые лучшие мочалки на этом ущербном осколке. Потому что только они могли осмелиться в присутствии своего хозяина так отчаянно помогать мне бороться с едой.

* * *

Грохот, прокатившийся по коридорам замка, нарушил мой покой.

Дося, как самая впечатлительная из нас, с верещанием бросилась под кровать, Бося просто подскочил, нервно к чему-то принюхиваясь. Я же только вздрогнула, опасливо приподняв голову.

Грохот повторился через несколько секунд, потом еще раз и еще. Стены дрожали от проходивших по ним волн, волосы на голове потрескивали и медленно поднимались, как наэлектризованные, а растрепанная черная шерстка Боси искрилась.

Дося трусливо поскуливала в своем убежище.

– Делмар! – рев Раяра чуть не загнал под кровать и меня, но я была до тошноты сытая и двигалась очень медленно.

Собственно, к тому моменту, как в мою комнату ввалился незнакомый мужик, чуть не внеся вместе с собой и дверь, я только сползла с кровати и еще не успела под нее заползти.

– Человек, – прошептал он, не веря своим глазам, – настоящий человек.

Бледный брюнет с горящими глазами очень сильно походил на психа. Хвост, в который были собраны волосы, растрепан, рукав черного камзола, расшитого красной шелковой нитью, почти оторван, из рубашки словно кусок вырвали... или выжгли, если взять во внимание черные, словно опаленные, края.

А на щеке – длинный темный след, будто кто-то угольком мазнул.

– Настоящий! – Встретившись взглядом со мной, он восторженно выдохнул: – Девушка.

А потом меня попытались убить.

В смысле, подскочили и обняли так, что кости затрещали.

– Теплая, – шептал этот ненормальный, не стесняясь тереться о мои волосы щекой, – такая мягкая...

– Делмар! – появившийся в дверном проеме Раяр зло рывкнул: – Убери руки от моей человечки!

Псих его не услышал, а может быть, проигнорировал, но не отпустил, продолжая тискать и шептать всякие ужасы.

Когда я слышала «очень вкусная, наверное», то отмерла и начала дергаться. Мне было достаточно и одного гурмана-извращенца, которому не лень было меня пугать, только

бы кормиться. Еще одного я просто не выдержу.

К счастью, хищник не планировал делиться.

За шкуру оттащив от меня этого ненормального, заслонил собой от голодного взгляда красных глаз и потребовал:

– Прекрати!

Бося воинственно курлыкнул с кровати.

– Почему? – подозрительно спокойно спросил этот псих, больше не пытаясь высмотреть меня за спиной Раяра. – Ты же знаешь, что из всех нас я самый сдержанный. Почему не рассказал мне? Неужели не доверяешь? Если бы я ее не почувствовал, так бы и прятал? Драться зачем-то полез...

– Делмар... – Суровый Раяр выглядел бы устрашающе, стой он лицом ко мне. А так, притаившись за его спиной, я полностью одобряла и грозный вид, и строгий тон.

– Что Делмар? – огрызнулся этот. – Мы же братья!

– Так вы тоже из этих? – встрепелась я, выглядывая из-за плеча хищника. – Из мутантов?

– Из кого? – опешил обнимашка. Вот что примечательно: глаза у него, конечно, были непривычного красного цвета, но белок стандартно-белый, без всех этих темных штучек. И пальцы чистые.

А мой кошмар так и ходил с черными пальцами, будто бы в золу их сунул, а помыть потом забыл.

– Дети Рассах, – пояснила я, поигрывая бровями.

– Предположим, – подтвердил он, заметно успокоившись. Кидаться ко мне с обнимашками, по крайней мере, переду-

мал.

– Младшенький, да? – участливо спросила я. Простое предположение, не более. Все же Делмар на фоне хищника выглядел почти нормальным. Ну, бледноват немного, но в целом такого же ужаса, как Раяр, он не вызывал.

Вот только мой вопрос его чем-то оскорбил. Оскалившись, он зло прорычал:

– Я четвертый в семье!

– Познакомься, Яна, – хищник, довольный эффектом, что произвел на его братца мой невинный, в общем-то, вопрос, решил-таки нас познакомить, – мой брат Делмар, уже седьмой год пытающийся дать имя своим землям.

– А какое?

– Тлеющий удел, – за мрачного братца на вопрос мне ответил Раяр.

Я уже знала, что сменить название можно, только заручившись согласием трех главных уделов, доказав им, что достоин этого. Своего рода повышение статуса. Если память мне не изменяла, то земли Делмара находились аккурат под Мглистым уделом и были достаточно обширны. И я искренне не понимала, почему их хозяин еще не получил разрешение. «Тлеющий удел» звучало куда как лучше, чем скромненькое «земли Делмар».

– И почему не переименовал?

– Айана, хозяйка Талого удела, моя мстительная сестра, до сих пор не простила ему дерзости.

– Я говорил, что не считаю столетие достаточно веским поводом, чтобы морозить свою задницу в ее льдах, – огрызнулся Делмар. – Я был с ней искренен, а она на меня обиделась!

Он злился и темнел лицом, в то время как вены по всему телу набухали и раскалялись. Будто бы по его жилам вместо крови тек жидкий огонь.

Зато мне сразу стало ясно, почему он хочет назвать свой удел Тлеющим. Мужик-то с огоньком...

– Делмар, – одернул ходячий вулкан мой кошмар, и светопредставление прекратилось. Кожа побледнела, вены остыли, и глаза перестали страшно мерцать, а уголек зрачка, разгоревшийся опасным красным светом бушующей внутри этого создания стихии, потух.

– Прости, – передернул плечами этот... огонек, – просто бесит меня сложившаяся ситуация.

– И ты пришел просить меня поговорить с Айаной? Ты же знаешь, что она меня не слушает.

– Ты старший, ты можешь приказать, – настаивал на своем Делмар.

– Мы это уже обсуждали, – кое-кто начинал раздражаться, – я не стану этого делать.

Братец моего кошмара насупился, но быстро вернул себе хорошее настроение.

– Позволь хотя бы с твоей человечкой поиграть.

Я затаила дыхание, с ужасом ожидая ответа хищника. Я,

конечно, нужна ему живая, чтобы ловить на живца всяких сектантов, которые почему-то непременно должны захотеть меня вернуть, но «живая» же не значит «целая». Огнеопасный страх ведь меня не убивать собирается, всего-то поиграть. Буду поджаренная, но живая...

– Нет.

Аж от сердца отлегло. Мой кошмар решительно стремился к званию условно положительного героя. Против настоящего героя без страха и упрека его злодейская морда не выстоит, но на фоне вот таких вот несдержанных пироманов хищник казался просто ласковым зайчиком.

– Очень милая семейная встреча, – пробормотала я, чувствуя, как теплая лапка коснулась моей ноги. Дося, высунувшись из-под кровати, дергала меня за брюки, призывая забраться к ней.

Хищник, стоявший ко мне спиной, этого не видел, а вот Делмар заметил, но обратил внимание почему-то не на мочалку.

– Раяр, позволь спросить, – хищник хмыкнул, но благоклонно кивнул, – ты специально ее так наряжаешь?

– Что? – Мой удивленный кошмар обернулся ко мне, осмотрел с головы до ног. Взгляд был странный... растерянный такой, словно он только сейчас заметил мой совершенно непрезентабельный вид. – Хм-м-м.

– «Хм-м-м»? – усмехнулся огнеопасный братец. – Это все, что ты можешь сказать?

– Не обращал внимания, – честно признался Раяр, – разберусь.

И я не знала – радоваться мне, что он с моим гардеробом разберется, или стоит беспокоиться.

Вечером, снова прячась в ванной, поняла, что нужно было беспокоиться.

Худая, верткая черноглазая брюнетка с длинным носом и нервными пальцами, которая ворвалась в мою спальню как раз во время ужина, оказалась местной модисткой, очень польщенной доверием хейзара, а оттого пугающе исполнитель-ной.

А я не хотела, чтобы меня трогали прохладными пальца-ми, обмеряли черным швейным сантиметром и нежно по-глаживали голые руки, восхищаясь моим теплом. Не хотела и просто не смогла долго терпеть.

Пятнадцать минут, и я, полураздетая, но очень решитель-ная, заперлась в ванной, чувствуя странное дежавю, но упря-мо держа оборону.

– Давайте не будем расстраивать господина, – мягко жур-чал ее голос, – выходите, моя нежная, у нас еще столько дел.

– Каких дел? Вы меня обмерили, с вашей модой я все равно незнакома, так что давайте вы мне просто подберете одежду из уже готового на свой вкус и все. Облегчим друг другу жизнь.

Мое предложение оскорбило ее до глубины души. Слу-шать о том, что она профессионал, ее имя известно далеко

за пределами Мглистого удела и вообще...

– Я не позволю, чтобы об Алер Савьи говорили как о какой-то бездарной швее, которая не в состоянии справиться со своей работой!

Ее гневный вопль еще звенел в моих ушах, когда в спальне послышалось недовольное:

– Что здесь происходит?

– Она заперлась! – возмущенно вскинулась Алер, но сообразила, в чьем присутствии позволила себе повысить голос, и тут же сбавила тон, заискивающе добавив: – Мы не успели дойти даже до выбора ткани.

– Опять? – Кто-то был крайне недоволен, а я... я была ученая, и щель под дверью быстро заткнула полотенцем. Потому что безопасность прежде всего.

В спальне царила пораженная тишина: все любовались концом полотенца, который я слишком ответственно просовывала в щель.

– Это возмутительно, – задумчиво пробормотал Раяр, – считать, что меня может остановить какая-то тряпка...

А в следующее мгновение я имела честь лицезреть медленно тающее под натиском тьмы полотенце.

– Вы же можете так и от двери избавиться? – спросила я, медленно отступая к ванне.

– Могу, – подтвердили мне самодовольно.

– А почему не избавляетесь?

– Так не интересно.

Час на выбор ткани, еще почти два – на составление списка моделей, что я выбрала из эскизов этой... профессионалки (она тыкала пальцем в совершенно непонятные рисунки, утверждала, что мне это очень подойдет и смотреться я в этом буду просто дивно, а я послушно кивала и смиренно смотрела, как очередной номер заносится в кожаный блокнотик аккуратным, мелким почерком), и еще минут двадцать – просто рядом с Алер, пока она гладила мою руку и блаженно вздыхала.

С легкой руки Раяра, по каким-то своим причинам нагрянувшего ко мне целых два раза за один день (причины он так и не назвал, казалось даже, что бедный хищник и сам был не в курсе, зачем приперся), я могла совершенно серьезно заявить, что хуже этого дня можно было считать только ужасный момент, когда я попала в этот безумный мир.

* * *

Завтрак стал для меня самым печальным приемом пищи из всех. И не потому, что он был утром и теперь, чтобы поесть, вставать нужно было раньше, чем я могла толком проснуться, но и оттого, что проходил он в компании Раяра.

Обед и ужин он великодушно оставил только мне, но эти завтраки...

На этот раз сложнее всего был даже не подняться с кровати (хотя большую часть ночи я была занята совсем не сном, а

выбором фасонов одежды для своего будущего гардероба, и героичность моего восстания никто не смог бы отрицать), затруднительно было не сбегать из столовой, только туда зайдя.

В просторном темном помещении, за новым столом, укрытым темной скатертью, сидели два темных хмыря. Мой кошмар и огонек.

Тарелки из черного хрупкого фарфора были пусты, ясно давая понять, что ждали тут только меня, что очень странно.

Обычно когда я добиралась до столовой, то заставляла Раяра с бокалом чего-то янтарного и искрящегося. Он лениво цедил эту интригующую жидкость еще минут пять после того, как я усаживалась за стол и, не особо выбирая, наваливала что-то себе на тарелку. Самые жуткие пять минут за день. Даже в аггельских болотах тонуть было не так жутко, как сидеть под этим тяжелым, задумчивым взглядом и делать вид, что он меня совсем не напрягает.

Минут через семь после начала завтрака мне удавалось расслабиться и наконец-то почувствовать вкус еды, которую я себе выбрала. Повар, если тут такой имелся, был просто мастером своего дела, и все, что я выбирала в бессознательном состоянии, было очень вкусным.

Но что-то подсказывало, что сегодня мне не видать покоя даже через пятнадцать минут.

Делмар светло улыбнулся и порывисто встал, заставив нас с мочалками нервно отступить.

– Не стоит бояться, – нежно велел он, отодвинув стул, на который мне предлагалось сесть.

– А где прежний стол? – Мы не подходили, мы стояли в дверях и смотрели на это безобразие весьма скромных размеров. Огромный стол, за которым я хотя бы отчасти могла чувствовать себя спокойной, заменили на маленький, квадратный, совершенно не успокаивающий столик. И столовая теперь казалась еще больше, и Раяр опаснее, и вообще... мне так не нравилось!

– Я от него избавился, – небрежно отмахнулся Делмар от моего сдержанного недовольства. – Слишком большой. Зато теперь мы будем ближе друг к другу.

Сегодня он был не помят, причесан и ужасно дружелюбен. Темный камзол, темная рубашка, темный камень в массивном перстне из потемневшего от времени серебра... Темные волосы, собранные в высокий хвост.

А ведь ночью, мучимая модисткой, я узнала страшный секрет: есть в этом мире другие расцветки у тканей. Есть! И даже белый есть. А хейзары – они просто на черном повернутые, вот и весь секрет их гардероба.

Дося, вцепившаяся в штанину, жалобно курлыкнула, и я полностью разделяла ее грусть. Попрошайничать мочалкам теперь будет крайне сложно.

– Садись, – хмуро велел Раяр. Его вынужденная смена мебели тоже не особо обрадовала, но он смирился. И мне предстояло сделать то же самое.

Делмар помог мне сесть, пододвинул стул – я почувствовала легкое дыхание на волосах, кто-то решил меня понюхать, воспользовавшись ситуацией, – и даже сам наложил мне на тарелку какую-то подозрительную субстанцию.

Она появлялась на завтрак каждое утро, но я ее интуитивно избегала. Как оказалось, не зря.

– Кушай.

Меня ласково погладили по голове. Поймав мой ошалевший взгляд, этот... очень заботливый ужас участливо заметил:

– Печень степных гаров очень полезна, а ты такая бледненькая. Мне бы очень не хотелось, чтобы ты умерла раньше, чем я смогу с тобой поиграть.

– Делмар, – одернул его мой кошмар, – я уже говорил, что не отдам ее.

– Это ты сейчас так говоришь, – улыбнулся родственничек хищника, бросая на меня загадочные взгляды. – Но давай будем откровенны друг с другом: ты никогда не мог долго терпеть людей, в отличие от меня.

Мочалки схоронились под моим стулом, будто их здесь нет, и я очень хотела к ним.

– И что это значит? – Не то чтобы мне было сильно интересно. Если быть совсем откровенной, знать-то как раз я ничего не хотела... но надо было.

– Видишь ли...

Прохладная ладонь легла поверх моей руки, нервно вце-

пившейся в нож. Делмар как стоял надо мной, так и продолжал стоять, беспечно вторгаясь в мое личное пространство. А ведь где-то в спальне, под подушкой, у меня лежал почти такой же ножик с тяжелой резной рукоятью, переживший наше путешествие к защитному куполу Излома, и эта мысль странным образом успокаивала. Не полностью, конечно, но дергаться я не стала, терпеливо снося это странное прикосновение. Чуть склонившись ко мне и мазнув по щеке мягкой темной прядью, прохладной и гладкой, как шелк, этот любитель человечинки произнес:

– Раяр не видит пользы в играх, из всех человеческих чувств предпочитая страх, я же считаю, что ваша любовь куда как питательнее.

– Чего?!

Он совершенно точно поцеловал меня в макушку. Легко прикоснулся губами к волосам и сел на свое место. Даже стул поближе ко мне пододвинул, чтобы вновь можно было в мою руку вцепиться.

А я ведь только дыхание перевела...

– Не думаю, что брат тебе говорил, – быстрый взгляд на хмурого Раяра, так и не притронувшегося к еде, – но мы питаемся эмоциями, потому что это необходимо. Мы тоже когда-то были простыми велари. Детьми, если быть точнее, которым не повезло привлечь к себе внимание матери. Она забрала нас и изменила, наделила силой, сделала своими. Лишь на словах мы ее дети, но вся правда в том, что мы все-

гда были рабами, испорченными ее волей и живущими чужими эмоциями.

Еще один быстрый взгляд на хищника. Короткий, опасливый, словно Делмар проверял границы дозволенного. Сколько еще он сможет мне рассказать до того, как его брат разозлится? Пока Раяр молчал.

– Долгие годы я верил Рассах, не мог даже помыслить, чтобы послушаться ее... – В задумчивости он начал перебирать мои пальцы, глядя куда-то поверх моей головы, на стену, где тонкими линиями были вырезаны прямо на камне батальные сцены. – Она говорила, что мы живем болью и страхом, что наше же могущество обратится против нас, если мы перестанем его кормить...

Повисла тяжелая тишина. Делмар выдерживал паузу, Дося тихо грызла ножку стула, Боси слышно не было. А Раяр смотрел. Очень внимательно и задумчиво. Но это была нехорошая задумчивость, странная.

– А потом я выиграл одну человечку, – как ни в чем не бывало продолжил огонек, когда я уже вся извелась, а мерные поглаживания пальцев начали бесить. – Она была просто прекрасна. Боялась всего, постоянно была на грани, кормила меня своими эмоциями так щедро, что ненадолго я даже перестал убивать. Я был сыт, она – вечно напугана, жизнь казалась прекрасной. Ее страх был прекрасен, но еще восхитительнее было другое чувство... Знаешь, вы, люди, так легко поддаетесь своим чувствам.

Мне стало немного обидно за нас, людей.

– А велари, можно подумать, не такие.

Раяр хмыкнул, и я поняла, что сморозила глупость. Поняла не потому, что захохотал Делмар, а именно из-за этого едва слышного «хм».

– Ты не можешь этого почувствовать, поэтому просто поверь мне на слово. С эмоциями у них серьезные сложности. Сейчас, когда людей в Темных землях не осталось, нам приходится питаться велари, и, должен признаться, они просто отвратительно безвкусны. Будто бумагу жуешь. Есть можно, но удовольствия никакого. Вы же... яркие. Ваш страх пряный и горячий, а злость колюча и горька. Столько эмоций, столько вкусов! – Прикрыв глаза, Делмар блаженно вздохнул, вспоминая, видимо, те счастливые времена, когда люди еще были их рабами. – Но самое лучшее чувство – любовь.

– И что, хотите сказать, что та человечка, которую вы выиграли, кого-то любила? – Я была готова услышать еще одно насмешливое «хм», но его не последовало. Яночка умница, Яночка угадала.

– Меня она любила. Меня, – подтвердил Делмар.

И вот в это я поверить просто не могла. Ну не складывались у меня в голове настолько жуткие картины. Я не могла понять, как можно любить хейзара. Это ж какой мазохисткой надо быть?

– Как она меня любила! – с мечтательной полуулыбкой произнес он, поднося мою руку к губам.

Поцелуй получился излишне нежным... интимным, что ли. Тепло его дыхания согревало пальчики, а мне стало неловко и почему-то стыдно оттого, что Раяр смотрит. И так неприятно...

Попытка отнять руку успехом не увенчалась, этот даже не заметил, что я рыпнулась.

– И что с ней стало?

Делмар помрачнел и отвел глаза. Значит, вопрос задала правильный, я могла собой гордиться.

– Мать узнала о ней и убила. – Делмар не спешил говорить, поэтому за него ответил Раяр.

– А можно вопрос? – Огонек опять начал темнеть лицом, и ничего хорошего лично мне это не сулило, потому я решила хотя бы попробовать сменить тему, отвлечь его как-то от воспоминаний о своей вкусной человечке. – Вот вы говорите, что Рассах вас нашла, себе забрала и изменила, так? А почему она просто себе ребенка не родила? В смысле, если учесть, что я видела в колыбели, мало кто отказался бы сделать ей дитя...

– Ты водил ее в Колыбель матери?! – подскочил Делмар. – Она же могла лишиться рассудка!

Раяр лишь раздраженно отмахнулся от его возмущения. Хищник отчего-то был уверен, что мне там ничего не грозило... кроме истерики.

– А на вопрос вы ответите? – Меня не то чтобы сильно смутила столь бурная реакция огонька на эту новость, но

сразу стало ясно, что Раяра не особо обо мне беспокоится. А ведь я – единственный человек на все Темные земли. Очень вкусный человек.

– Видишь ли в чем дело, Яна... – Мастерски игнорируя выразительно-негодовательный взгляд Делмара, хищник покосился на пол, где за клубилась тьма. Закручиваясь в небольшой вихрь, она поднималась над камнями, уплотнялась, выплетая человеческую фигуру. Женскую. Голова, высокая прическа, открывающая тонкую шею и узкие плечи, грудь, бедра... И два красных уголька вместо глаз. – Мать – это чистая энергия, Тьма в полном понимании этого слова. Суть того, чего боялись еще до появления Рассах на этом осколке. У нее не было тела, лишь форма. Как Мирай – Извечный Светоч и богиня светлых – является лишь солнечным лучом, так и Рассах была только тенью.

– Круто...

Не успела я толком переварить услышанное, а зыбкая темная фигура – окончательно растаять, как в столовую влетел сгусток тьмы в форме птицы. Быстро махая крыльями, она полетела в Раяра, планируя таранить, но в нескольких сантиметрах от его лица словно наткнулась на невидимую преграду и взорвалась тьмой.

– Какая неожиданность, – усмехнулся мой кошмар.

– Что-то случилось? – поинтересовался Делмар.

Я молчала, но очень надеялась, что хищник на вопрос ответит.

– Послание из Эльмут. Сегодня на рассвете из Сумеречной зоны вышел отряд светлых, едут ко мне.

– Очередная делегация? – нахмурился огонек. – Помнится, в прошлый их визит тебе весь замок пришлось от благословений вычищать.

– Я повысил цену на руду втрое, их можно было понять. – Раяр был на удивление благодушен.

А меня вот этот неожиданный визит светлых напрягал. Хотелось, конечно, посмотреть на них, но предчувствие грядущих неприятностей все портило.

Хотелось верить, что это просто разыгралась моя паранойя, что перенервничала и везде мне видится беда, но правда была в том, что беда и правда была. И сейчас она спешила к границе земель Эльмут, чтобы потом пересечь земли Рашаар и ступить в Мглистый удел.

Глава 5

Сосуд

Первая партия нарядов была готова на третий день после примерки. Два платья, несколько комплектов белья, пара туфель и одуряюще удобные брюки, к которым хорошо шли простая рубашка и расшитый жилет.

Я перемерила все! И не потому, что несравненная Алер этого требовала, но оттого, что самой было жутко интересно, подойдут ли мне наряды этого мира.

Именно за этим занятием, в одном из платьев, которое я оставила на самый конец примерки, меня и застал Делмар.

Огонек любил мое тепло и осторожно питался моим раздражением, которое сам же и вызывал, пока Раяр не видел. И скрыться от этого любителя человеческих эмоций было решительно негде. Делмар был вездесущ, как кара небесная и голодная Дося вместе взятые, и находил меня везде.

– Тебе очень идет синий! – заверили меня от двери, пока я под одобрительным взглядом модистки крутилась перед зеркалом в пока еще пустой гардеробной.

Я вздрогнула, Алер картинно прижала руки к груди, а мочалки, до этого обнюхивавшие мои новые и такие удобные туфельки, отвлеклись от своего занятия.

Делмар улыбался, привалившись плечом к дверному ко-

сяку и с интересом разглядывая мой новый наряд. Сам он, не изменяя себе, обрядился во все черное, и лишь красная нить, которой были расшиты его жилет и камзол, выбивалась из общей черной гармонии.

– С-с-спасибо. – Я была вежливой девочкой и не хамила даже тем, кто за последние дни успел довести меня до ручки. – Вам бы тоже очень пошло.

– Платье?

– И платье тоже, – нагло подтвердила я, получив в ответ короткий смешок.

Не обращая внимания на модистку, застывшую у одного из пустых стеллажей и, казалось, даже переставшую дышать, Делмар подошел ко мне, взял за руку, рассматривая кружево рукава, погладил ладошку большим пальцем и задумчиво спросил:

– Скажи-ка мне, Яна, как ты смотришь на небольшую, но крайне увлекательную прогулку по городу?

– А с кем?

На меня посмотрели так, будто я его только что последними словами обругала.

– Со мной, разумеется.

– А-а-а... – А ведь мне так хотелось прогуляться по какому-нибудь их городу! – Спасибо, но что-то желания нет.

Делмар понял все по-своему и раздраженно махнул рукой:

– Хорошо, хорошо, Раяра, так уж и быть, возьмем с собой.

...А в город хотелось все меньше и меньше.

– Конечно, Хариг намного красивее Хавари, но Раяр не согласится отправиться в мой удел.

– Хавари – это же столица...

– Мглистого удела, – перебил меня Делмар, закатив глаза. – Да. А ты думала, я предложу тебе прогулку по какому-нибудь пограничному заселку?

Если быть честной, я вообще не думала, я сразу решила, что буду отказываться, но он сумел меня удивить.

Единственный город, в который меня таскал за собой Раяр, находился как раз почти на границе его земель, рядом с горами, и семьдесят шесть лет назад как раз и был обычным заселком, пока в горах не обнаружили серебро. Много серебра. Заселок стал стремительно развиваться и богатеть и к сегодняшнему дню уже гордо звался городом Фида.

Я это два дня назад узнала и очень впечатлилась, а теперь мне предлагали посетить столицу. И не потоптаться на центральной площади десять минут, а прямо прогуляться по улицам, посмотреть на здания, на велари... на все.

Вот только компания была в высшей степени сомнительной.

– Знаешь, у тебя очень забавное выражение лица, когда ты так сосредоточенно о чем-то думаешь, – умилился огонек, потрепав меня за щеку. Бося у моих ног недовольно заворчал, привлекая к себе его внимание. – Странные питомцы для девушки. Вы, люди, вроде больше любите беспомощную пушистую живность.

– Что дали, то и люблю, – огрызнулась я, очень недовольная тем, что он так нагло пугает мою мочалку.

– Приятно слышать, – фыркнул Делмар и за руку, крепко сжимая запястье, потащил меня прочь из комнаты. Мы шли искать Раяра, а мочалки неслись следом за нами, тихонько тренькая за спиной.

В гардеробной осталась одна Алер, на которую встреча с хейзаром соседнего удела произвела неизгладимое впечатление.

А я почти бежала по коридорам, влекомая крепкой рукой огонька, подол платья путался в ногах, туфельки, на первый взгляд чертовски удобные, как будто бы соскальзывали с ног. Я рисковала остаться босиком и растянуться на полу. На этом холодном каменном полу.

– Медленно, – недовольно цыкнул Делмар, а в следующее мгновение я уже висела на его плече. Проблему моей весьма скромной скорости он решил кардинально.

Минуты через три меня, едва осознающую, что происходит, где я и почему все кружится, уже вносили в мрачный кабинет моего кошмара. Это был даже не кабинет. Кабинет-тище!

Кожа, дерево и камень, все стандартно черное и очень мрачное. А под потолком истерично метались дымные птички-послания, которые хищник не хотел читать.

– Раяр, собирайся!

Наше эпичное вторжение моему кошмару явно не понра-

вилось. Я это в буквальном смысле копчиком почувствовала.
– Нет.

Очень коротко, но так решительно это прозвучало, что я даже злорадно обрадовалась, довольная тем, что Делмар обломался и никто никуда не отправляется. Ни в пограничный заселок, ни в столицу, ни даже в Тающие леса, что находились на севере Мглистого удела, и в которые Раяр обещал меня сводить сразу после гор.

Предчувствуя, как меня сейчас отпустят, я выйду к своим мочалкам, оставшимся за дверью, и мы вместе вернемся в мою спальню, я как-то пропустила тот момент, когда уверенное «нет» превратилось в смиренное «да».

Хотя, быть может, оно и не превратилось, но в столицу мы все же отправились. Втроем. Довольный Делмар, несчастная я и раздраженный Раяр.

Неудивительно, наверное, что первый встреченный нами на тихой улочке, где мы появились, велари заметно побледнел и поспешил назад на главную улицу, чтобы затеряться в толпе таких же хорошо одетых, очень деловых горожан, спешивших по своим делам.

Девушки в подавляющем большинстве красовались в платьях, некоторые предпочитали брюки, и абсолютно все были со сложными прическами на темноволосых головках. У мужчин прически были несколько разнообразнее. Косы, хвосты, кто-то предпочитал просто распущенные волосы, многие ходили с нормальной короткой стрижкой, но все они так же

неизменно были брюнетами. И кожа у них была светлая. Не бледная, как у моего кошмара, а именно светлая, здоровая. У девушек даже румянец на щеках можно было заметить, натуральный или результат косметических трудов – не знаю, но выглядело красиво.

Велари я разглядывала всего пару секунд, а потом Раяру надоело топтаться на одном месте, и меня подтолкнули вперед, предлагая уже идти по каменной мостовой вдоль ярких витрин, красивых вывесок и завлекательных названий.

Я брела вслед за двумя переговаривающимися хейзарами, жадно разглядывая широкую, будто сказочную улицу. Подозреваю, у меня было до придурковатости восторженное лицо. Некоторые велари, по крайней мере, смотрели на меня очень странно и даже оборачивались вслед.

У одной витрины я и вовсе остановилась, сраженная красотой десертов. Это было настолько восхитительно, что я просто не могла отвести взгляд, непроизвольно сглатывая слюну. В замке меня кормили хорошо, но сейчас, глядя на произведения искусства в песочных корзинках, на воздушные суфле на тонком бисквите, пирожные невообразимых форм... Я ощущала себя такой голодной!

– Чувствуешь? – от созерцания прекрасного меня отвлек голос Делмара, в котором я услышала улыбку. – Это восхищение. Невероятно, правда?

Раяр на него только недовольно цыкнул, взял меня за руку и потащил за собой, оставив позади мой персональный рай.

– Зря ты так, – недовольно заметил огонек, и я была с ним полностью согласна. Зря. Зря-зря-зря.

Ладонь у моего кошмара была холодная и жесткая, а Делмар, шедший теперь рядом со мной, самодовольно улыбался. И любоваться красотами мне не давали.

– И куда мы так бежим? – не выдержала я, когда в одной из витрин увидела манекен в весьма интересном платье, но разглядеть не успела.

– Терпеть не могу это место, – сквозь зубы процедил Раяр, совершенно не прояснив ситуацию. За него это сделал Делмар:

– Слишком много велари, – снисходительная улыбка, казалось, прилипла к его губам. – Раяр пользуется мороком, чтобы его не узнали и не началась суматоха, но если сделать так...

Легкое движение пальцами, и... ничего. Я ничего не почувствовала, но мой кошмар резко повернулся к Делмару, и выражение лица у него было... убивательное такое.

А в следующее мгновение две девушки, идущие прямо на нас, остановились, побелели, одна даже в обморок решила упасть, медленно осев на мостовую. Вторая, державшая обморочную под руку, склонилась вместе с ней, не понимая, что можно просто разжать руки.

– Когда-нибудь я забуду, что ты мой брат... – очень тихо начал Раяр, но его перебили с беспечной улыбкой на наглой роже:

– Не забудешь, ты же первенец, тебе больше нас досталось. В том числе и верности семье с избытком перепало.

Делмар скалился, Раяр злился и, кажется, даже рычал, я просто переживала за свою руку, которую уж очень сильно сжали, а вокруг нас, тихо паникуя с выпученными от ужаса глазами, но молча и незаметно, разбегались велари. Сразу видно, любят подданные своего господина. Чтут и боготворят.

– Э-э-э, а что происходит-то?

– Видишь ли, – Делмар прикрыл глаза, полной грудью вдохнув теплый летний воздух, – если хейзар появился на улицах города, значит, для кого-то этот день непременно станет последним. И никто не хочет стать этим неудачником. Глупые, они до сих пор так и не смогли смириться с тем, что свою жертву мы найдем везде, как бы хорошо она ни спряталась.

Итак, я гуляю по городу в компании двух психованных каннибалов, которых боится их же собственный народ. Круто.

– У меня что-то аппетит разыгрался, – вдруг сказал Делмар, оглядывая почти пустую улицу. Даже магазинчики уже были закрыты, а те, что еще нет, спешно закрывались. – Как вы относитесь к тому, чтобы перекусить где-нибудь?

И вот после того, что я увидела, у меня родился только один, но вполне закономерный вопрос:

– А кем?

Темные были крайне возмущены моим вопросом, но соизволили объяснить, что нет, кушать велари они сейчас не будут, но неплохо просто пообедать и вообще:

– Вокруг столько страха, что хватит еще на несколько дней.

Улица была совершенно пуста, и даже обморочную девушку кто-то успел утащить, а я не чувствовала никакого страха, витавшего в воздухе, только одуряюще вкусный запах свежей выпечки, которую мы теперь точно не попробуем. Булочная была закрыта, собственно, как и все магазинчики вокруг.

– Пойдем в другое место, – решил Делмар, попытавшись взять меня за руку. Но мне-то с ним за ручки держаться не хотелось, мне за Раяра обидно было, который сейчас стоял весь такой хмурый и молча смотрел в конец улицы, где совсем недавно скрылся последний напуганный горожанин. – Яна?

Отшатнувшись от огонька, я решительно подхватила мой очень недовольный кошмар под руку и нагло спросила:

– И где здесь вкусно кормят?

Делмар не обиделся, только рассмеялся, странно глядя на своего братца, не спешащего вырываться из моих цепких ручонок.

– Многообещающе, – пробормотал он и первый направился дальше по улице, предлагая нам следовать за собой. – Помню я одно славное место в этом унылом городе. Если оно еще не закрылось, то нам повезет очень вкусно пообедать.

– Мне стоит спросить, откуда ты так хорошо знаешь мою столицу? – Раяр не то чтобы злился, он просто был очень сильно недоволен сложившейся ситуацией. Если бы я была чуть меньше уверена в том, что у хейзаров сердца каменные, то подумала бы, будто его задело это паническое бегство. Но хищник был тем еще бессердечным гадом, очень любившим меня пугать, и я решила, что он просто злится на Делмара, который так возмутительно нагло сдернул с него морок.

– Лучше не стоит, – отозвался огонек, полуобернувшись к нам. Он шел на три шага впереди и энергично крутил головой, высматривая среди закрытых ставней и запертых дверей любопытные, но опасливые взгляды.

Мне же было не до этого. Я пристально рассматривала Раяра, пытаюсь понять, вернул ли он на место свою маску, или на соседней улице нас ждет такое же паническое бегство.

Заметил мой взгляд он сразу же, но первое время мужественно его игнорировал. Не выдержал, только когда я начала еще и принюхиваться.

– Что?

– Да вот, понять хочу: если мы сейчас к велари выйдем, нас ждет то же, что и на этой улице стряслось? Ужас, паника, спешное бегство?

Приподняв бровь, он молча смотрел на меня. Делмар тоже обернулся, и я была вынуждена пояснить:

– Морок этот снова на вас? Или мы целенаправленно идем горожан пугать?

Это было возмутительно и крайне неприятно, но мне не ответили, самым наглым образом проигнорировав и вопрос, и требовательный взгляд.

Пришлось ждать неизбежного. То есть момента, когда мы выйдем на соседнюю улицу. И вот парадокс: здесь было тихо и безлюдно, а буквально за поворотом вновь бурлила жизнь, будто бы никто и не знал, что совсем рядом произошло эпичное явление хейзара велари.

– Не отставайте, – весело велел Делмар и, не оглядываясь, бодро устремился вдоль улицы к возвышавшемуся далеко впереди высокому зданию.

Здесь витрины были куда скромнее, большую часть пространства занимали строгие темные здания с неброскими вывесками. Какой-то деловой квартал, честное слово.

А Делмар вел нас все дальше и дальше.

– Не верю, что говорю это, но, может, вернемся? Мои мочалки, наверное, беспокоятся.

Раяр посмотрел на меня странно, потом перевел взгляд на Делмара, шагавшего впереди (кажется, он даже под нос себе мурлыкал какой-то бодрый мотивчик), и усмехнулся.

– Должен признаться, мне нравится твое предложение, – благосклонно сообщил он. Тьма охотно закружилась у наших ног, быстро и очень естественно. Каждое новое перемещение мне давалось все легче и легче, и Раяр с каждым разом все больше его ускорял.

Тьма резко вскинулась, готовая поглотить нас и переме-

ститъ. Именно в этот момент краем глаза я уловила странное движение: лысый мужик в подозрительно знакомом балахоне вынырнул из толпы на одно короткое мгновение, чтобы кинуть в нас странный пульсирующий предмет размером с шарик для пинг-понга.

– А...

Я не успела ничего сказать. Меня привычно разобрало на составляющие, хотя точнее было бы сказать – разорвало, бросило куда-то и закружило. Меня сейчас не существовало, но рука, за которую я продолжала цепляться, ощущалась отчетливо, была очень реальной и успокаивающей, и только потому я не запаниковала.

Вышвырнуло нас совсем даже не в замок к моим дорогим мочалкам.

Не ожидавшая гадской подставы, сначала я очень испугалась, когда резко с головой ушла под воду, но крепкая рука удержала меня, вытягивая на воздух.

Откашлявшись, отплевавшись и вспомнив, что кое-как плавать я тоже умею, осмотрелась. Страшно уже почти не было, ведь рядом со мной, мокрый и очень злой, бултыхался Раяр, а значит, мне ничего не грозило.

– Корабль, – прохрипела я, отплеывая соленую воду и шурясь от солнца, позволяя жаркому светилу яркими бликами слепить мои слабые человеческие глаза. На небе не было ни единого облачка.

– Вижу, – коротко подтвердил хищник, и на его губах рас-

цвела нехорошая улыбка. – Подождем их.

Я бы, конечно, предпочла валить отсюда, но если мой кошмар хочет познакомить меня с местными мореплавателями, то кто я такая, чтобы отказываться?

Корабль шел прямо на нас. Уверенно так, бодро, будто бы он тут плавал с единственной целью: в один прекрасный миг увидеть в воде барахтающееся тело и героически его спасти.

– Яна... – Раяр пристально смотрел на приближающийся корабль, продолжая крепко сжимать мою руку. Мне бы, конечно, она пригодилась, для того чтобы лучше на воде держаться, все же пловец из меня посредственный, да и платье путалось в ногах, серьезно усложняя задачу. Но хищник не спешил разжимать пальцы, а я не решалась потребовать свою конечность обратно. – Постарайся держаться за мной.

– Поняла.

Раяр кивнул и только после этого отпустил мою руку и выплыл чуть вперед.

Корабль, черный и очень зловещий, с головой странно-го чудища, вырезанной на носовой части, возвышался над нами. Из-за борта выглядывало несколько лысых мужиков с подозрительного вида канатами, по которым пробегали красные искры.

Раяр усмехнулся, прошептал: «Совсем на своих ошибках не учатся»... и с головой ушел под воду.

На корабле первое время было тихо, все ждали какой-нибудь подлянки от хейзара, но он все не всплывал и не всплы-

вал.

– Раяр? – прошептала я дрожащим голосом, оглядываясь и очень надеясь, что он вот-вот покажется.

А в ответ тишина.

– Раяр!

Его нигде не было. Вот лысые мужики, которые сектанты, вместе со своим кораблем были, а хищника не было. И мне стало страшно.

И еще страшнее стало, когда невдалеке раздался плеск, но вместо мерзкого темного из-под воды показалась узкая, вполне человеческая спина с острым плавником и черный чешуйчатый хвост. А на палубе загалдели, заметались и быстро сбросили в воду конец троса, наперебой требуя, чтобы я поднималась.

Вопроса, кто опаснее: сектанты или хвостатое нечто, которого даже эти пристукнутые адепты Рассах боятся, не возникло. И так ясно, что сектанты безопаснее, потому что они боялись сейчас так же, как и я, а хвостатое чудище медленно плыло ко мне и страха точно не испытывало.

По канату даже не пришлось забираться: стоило только за него ухватиться, как меня потянули вверх, затащили на палубу и даже какую-то подозрительного вида тряпку на плечи накинули.

– Уходим отсюда. Где одна ведьма, там и вся стая. Хейзара им хватит ненадолго, – велел самый зататуированный из лысых, на черепе которого, помимо странной паутины, зани-

мавшей почти всю голову, были вытатуированы также странные знаки.

На щеках, на лбу, по кромке темной паутины, даже на веках у него чернели какие-то символы. Расшифровать их у меня не получалось, хотя не так давно опытным путем удалось выяснить, что даже наречие светлых мне вполне понятно. Неудачный обряд, в котором меня недоубили, сделав сосудом для их дорогой богини, превратил меня в прокачанного полиглота, что не могло не радовать. И если закорючки на лице лысого не поддавались переводу, значить это могло быть только то, что разукрасил себя дядька рунами мертвого языка. Языка Тьмы, который хорошо знали лишь ее дети. Ну, и эти, на голову стукнутые, кажется, тоже кое-что в нем понимали. Для велари же он был просто древним языком, из которого им было известно от силы несколько слов.

Его лысые подельники засуетились, разворачивая корабль и высматривая за бортом врагов (хвостатых, или хищника, или, быть может, кого-нибудь еще, кто водится в этих водах), а я продолжала сидеть на палубе, сраженная словами сектанта.

Ну не верилось мне, что Раяра можно так легко убить. Даже морским ведьмам, в принципе, сильным и жестоким гадинам, мой кошмар был не по зубам. Но его нигде не было, он очень давно ушел под воду и до сих пор не всплыл. И почти не получалось верить, что он может прожить без воздуха так долго.

Меня не трогали, занимаясь своими делами, и только взгляд татуированного неприятно давил. Лысый сел напротив, у стены, и, почти не моргая, следил за мной.

Я не шевелилась. Не потому, что смирилась, хоть и хотелось бы верить, что мою вялость приняли за смирение. Просто понимала, что в открытом море, в котором неизвестно какие чудища водятся, я от сектантов не спасусь. Все, что мне оставалось, – ждать и надеяться, что, добравшись до суши, я сумею от них сбежать... И было бы совсем замечательно, чтобы Раяр на самом деле не умер. Он был, конечно, тем еще кошмаром, но кошмаром моим, знакомым и почти родным в этом безумном мире. И если уж на то пошло, я готова была страдать от его поганого характера и дальше, лишь бы он вернулся.

Татуированный поднялся внезапно, рывком, будто вздернутый вверх невидимой рукой, и бросился к борту.

Ну, а я же не дура, я прекрасно понимала: если куда-то с такой довольной рожей бегут, значит, там есть что-то очень хорошее. Не исключено, правда, что хорошим это «что-то» будет только для того, с довольной рожей, как и вышло в моем случае.

С трудом поднявшись на ноги, навалившись на борт, чтобы удержаться на покачивающейся палубе, я напряженно всматривалась вперед. На горизонте виднелась суша, только суша эта выглядела очень странно. Я была почти уверена, что вот этот вот серый убитый пейзаж – часть того самого

печального острова, на котором Раяр знакомил меня с заветной.

Вот только я снова здесь, а хищника нет. И лысые эти кругом бегают, суется, кричат что-то...

Надо было, наверное, за ним нырнуть...

Синеватая круглая мордашка, облепленная черными до зеленого отлива волосами, выглянула из воды внезапно. Табуированный отвернулся, раздавая указания, а она тут как тут. Моргнула на меня защитной пленкой больших черных глаз, оскалила треугольные маленькие зубки и вновь скрылась под водой, чтобы вернуться в компании трех таких же любопытных, но подсознательно жутких красоток. Чуть в стороне вынырнуло еще несколько девиц. И еще.

Я почему-то решила, что это русалки.

– Морские ведьмы! – заорал кто-то на корме, и русалки преобразились. В черных глазах холодным белым огнем загорелся зрачок, кукольные личики исказил кровожадный оскал, а волосы взметнулись вверх и затрепетали как живые, нежно касаясь тонких шей и узких покатых плеч. А я смогла увидеть, что по хребту у них идет жесткий шипастый плавник.

Сразу стало понятно, кто тогда мне в воде хвостом махнул. Морская ведьма...

Когда эти очаровашки начали карабкаться вверх, кроша тонкими изящными пальчиками, оканчивающимися огромными черными когтями, крепкое дерево обшивки, сектан-

ты затихли, рассредоточились по кораблю и попытались дать отпор.

Огненные шары срывались с их ладоней и падали вниз, не нанося ведьмам особого вреда, но изрядно их раздражая и серьезно замедляя подъем. Две красотки, не успевшие отмахнуться от огня, полетели вниз, с возмущенным «бульк» уйдя под воду. Одна зашипела и врезала огромным черным хвостом с раздвоенным плавником по корпусу корабля, ее поддерживали другие ведьмы.

Они били хвостами и продвигались все выше и выше, жадно вглядываясь в лица сектантов. По борту, взрезая дерево, прокатилась черная молния с насыщенным сиреневым отсветом, она разрезала двух русалок, отделила одну тонкую перепончатую ручку от тела и ушла в воду. Тихое «плюх!» я только услышала, зажмурившись запоздало, когда расчлененка уже закончилась.

– Надеюсь, вы осознали крайнюю степень своей глупости и готовы вернуть мою человечку, – лениво раздалось за нашими спинами.

На капитанском мостике, мокрый и злой, с поцарапанной щекой и без камзола, стоял Раяр.

Живой и даже почти целый. А у его ног вилась тьма, и она казалась очень сердитой.

– Яна, будь добра, поднимись ко мне.

Дважды просить меня не пришлось. Выбирая между компанией сектантов и моим кошмаром, я в любом случае, все-

гда и безоговорочно, предпочла бы хищника.

Меня не останавливали, не пытались удержать и даже почти не смотрели в мою сторону. Сектанты разрывались между необходимостью держать в поле зрения хейзара и отбиться от ведьм.

По лестнице взбежала, не ощущая ступеней под ногами, зацепилась за последнюю и в буквальном смысле влетела в объятия Раяра, боднув его лбом в солнечное сплетение.

Даже при том, что хищник совершенно не знал о наших внезапных обнимашках, он не растерялся, поддержал и даже руку с плеча не убрал, когда я утвердилась на ногах.

А я так счастлива была его видеть, ну так счастлива... так, что готова была расцеловать его, вот прямо в эту бледную, хмурую рожу.

Рука на плече дрогнула, и на меня очень удивленно посмотрели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.